

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Международный исторический журнал «Русин»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

Международная научная конференция

18 – 19 октября 2021 года

ПРОГРАММА

ТЕЗИСЫ

Томск 2021

**Конференция проводится при поддержке
Министерства науки и высшего образования Российской
Федерации
[грант № 14.У26.31.0014]**

Оргкомитет

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – председатель
ФИЛЬ Юлия Вадимовна – зам. председателя

Члены оргкомитета

ТУБАЛОВА Инна Витальевна
ЭМЕР Юлия Антоновна
ТОЛСТИК Светлана Александровна
РЯБОВА Юлия Алексеевна – секретарь

Программный комитет

ДРОНОВА Любовь Петровна (Томск, Россия) – председатель
СУЛЯК Сергей Георгиевич (Санкт-Петербург, Россия; Тараклия,
Молдавия) – заместитель председателя
АНАНЬЕВА Наталья Евгеньевна (Москва, Россия)
БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна (Екатеринбург/Москва, Россия)
ДЫБО Анна Владимировна (Москва/Томск, Россия)
РУТ Мария Эдуардовна (Екатеринбург, Россия)
СОБОЛЕВ Андрей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)

Рабочая группа конференции

ПАЛИЙ Валерия – мнс Лаборатории лингвистической антропологии
РЫЖОВА Ольга – мнс Лаборатории лингвистической антропологии
КОРШУНОВА Ирина – лаборант Лаборатории лингвистической
антропологии

Формат работы конференции

18 октября – Смешанный (очно / онлайн¹)

Открытие конференции

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom²)

Пленарное заседание

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom)

19 октября – online

Работа секций

online (zoom)

Заккрытие конференции

online (zoom)

Регламент работы конференции:

- ✓ пленарный доклад с обсуждением – 30 минут (доклад 20 мин., 10 мин. – вопросы, обсуждение)
- ✓ секционный доклад – 25 минут (доклад 15 мин., 10 мин. – обсуждение)

Рабочие языки конференции: русский, другие славянские (синхронный перевод не предусмотрен).

Время конференции: московское

¹ Для участия необходимо установить программу/приложение на свой компьютер, планшет или телефон. Также вы можете использовать браузеры и участвовать в конференции, не устанавливая дополнительного программного обеспечения. Все программы и приложения доступны для скачивания по следующей ссылке: <https://zoom.us/download>

² Ссылки для участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции 16.10.2021.

18 ОКТЯБРЯ 2021 г.

**Открытие конференции
10:00 – 10:20**

**Пленарное заседание
10:20 – 12:50**

19 ОКТЯБРЯ 2021 г.

Заседания секций

Секция 1. Славянские языки: историко-филологические аспекты	10:00 – 14:25
Секция 2. Славянские языки: семантический и когнитивный анализ	10:00 – 14:50
Секция 3. Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социолингвистические, методические аспекты	08:00 – 12:25

**Заккрытие конференции
14:50 – 15:20**

Программа
Международная научная конференция
«Славянские языки в условиях современных вызовов»

18 ОКТЯБРЯ 2021 г.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

10:00 – 10:20

Председатели:

Резанова Зоя Ивановна

Суляк Сергей Георгиевич

Приветствия участникам конференции

- главного редактора журнала «Русин» **С. Г. Суляка**
- председателя оргкомитета конференции **З. И. Резановой**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

10:20 – 12.50

Председатели:

Суляк Сергей Георгиевич

Резанова Зоя Ивановна

10:20 – 10:50 **Дымарский Михаил Яковлевич**, г. Санкт-Петербург (Россия)

Союз *тогда как* и его аналоги в восточнославянских языках

10:50 – 11:20 **Суляк Сергей Георгиевич**, г. Санкт-Петербург (Россия); г. Тараклия (Молдова)

Русинская тематика в работах П.Д. Драганова

11:20 – 11:50 **Ташлыкова Марина Борисовна**, г. Иркутск (Россия), **Стародворская Екатерина Вениаминовна**, г. Познань (Польша)

Существительные, реализующие семантику случайности, в русском и польском языках

11:50 – 12:20 **Дыбо Анна Владимировна**, г. Москва

Булгарские заимствования в славянских языках: особенности вокализма

12:20 – 12:50 **Мокиенко Валерий Михайлович**, г. Санкт-Петербург

Праславянский след в русинской лексике и паремиологии

19 ОКТЯБРЯ 2021 г.

СЕКЦИЯ 1

Славянские языки: историко-филологические аспекты

10:00 – 14:25

Председатели:

Щеглова Ольга Георгиевна

Дронова Любовь Петровна

10:00 – 10:25 Щеглова Ольга Георгиевна, Гончаренко Елизавета Александровна, г. Новосибирск (Россия)

О номинациях материально-бытовой культуры в составе Стишного Пролога

10:25 – 10:50 Долгушина Людмила Васильевна, г. Новосибирск (Россия)

Заимствования из греческого языка в древнейших славянских переводах: вопросы их транспонирования и адаптации

10:50 – 11:15 Садыкова Ирина Викторовна, г. Томск (Россия)
Генетические связи о.-слав. *bl'usti

11:15 – 11:40 Филь Юлия Вадимовна, г. Томск (Россия)

О явлении глагольной полипрефиксации в старославянском языке

11:40 – 12:05 Толстик Светлана Александровна, г. Томск (Россия)
Понятие «дерзкий» в истории русинского языка

ПЕРЕРЫВ 12:05 – 12:20

12:20 – 12:45 Конончук Инесса Яковлевна, Филь Юлия Вадимовна, г. Томск (Россия)

Историческая языковая личность XVIII в. сквозь призму ксенолексики (на материале писем А.В. Суворова)

12:45 – 13:10 Погвизд Шимон, г. Краков (Польша)

Этимология и семантическое развитие северославянской лексемы **xmira* в польском языке и восточнословацком диалекте на общеславянском фоне

13:10 – 13:35 Дронова Любовь Петровна, г. Томск

Русинские *квар* 'ущерб, вред, порча' в контексте славяно-угорских контактов Прикарпатья

13:35 – 14:00 Готов Александр Леонидович, г. Кременец (Украина)

Фактор «ять» («ѣ»). Славянские историко-лингвистические связи в процессе изучения русского, украинского и польского языков

14:00 – 14:25 Островская Наталья Вячеславовна, г. Новосибирск (Россия)

Морфологические явления в глагольной системе церковнославянского языка и функциональном поле вариантности

СЕКЦИЯ 2

Славянские языки: семантический и когнитивный анализ

10:00 – 14:50

Председатели:

Курьянович Анна Владимировна

Халина Наталья Васильевна

10:00 – 10:25 Киклевич Александр, г. Олыштын (Польша)

Прецедентный текст как источник модификации лексических значений (на материале польского и русского языков)

10:25 – 10:50 Иркова Анна Валентиновна, г. Кемерово (Россия)

К проблеме синхронно-функциональной типологии лексики славянских языков (на материале обратного машинного перевода)

10:50 – 11:15 Евпак Евгений Владимирович, г. Кемерово (Россия)

Образ Чехии в поэтическом дискурсе М. Цветаевой и Л. Свирской

11:15 – 11:40 Колосова Елена Ивановна, г. Казань (Россия)

Репрезентация супружеского союза в концептосфере русского и

ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

11:40 – 12:05 Курьянович Анна Владимировна, Дубина Людмила Витальевна, г. Томск (Россия)

Сравнительно-лингвокультурологический анализ фразеологизмов тематической группы «Человек» (на материале русского, чешского, украинского и польского языков)

ПЕРЕРЫВ 12:05 – 12:20

12:20 – 12:45 Ташлыкова Марина Борисовна, г. Иркутск (Россия), Стародворская Екатерина Вениаминовна, г. Познань (Польша)

Славянские языки перед лицом challenges: семантическая и словообразовательная история слов *вызов* и *wyzwanie* (на материале русского и польского языков)

12:45 – 13:10 Саболова Драгомира Яновна, Кашова Мартина Богумиловна, г. Прешов (Словакия)

Ключевые слова эпохи пандемии коронавируса и их дериваты: сопоставительный анализ (на материале русского, словацкого, чешского и немецкого языков)

13:10 – 13:35 Маркова Елена Михайловна, г. Москва (Россия), г. Ружомберок (Словакия), Меркулова Инна Александровна, г. Воронеж (Россия)

Сопоставление лексических ядер чешского и словацкого языков методом параметрического анализа словаря

13:35 – 14:00 Халина Наталья Васильевна, г. Барнаул (Россия)

Семантико-терминологическая идентификация американских русинов в англоязычных исследованиях с позиций коммуникативной теории идентификации

14:00 – 14:25 Пекунова Ирина Семеновна, г. Москва (Россия)

Отроду не видано, сроду не слыхано, а на роду написано. Особенности развития существительных подвижного акцентного типа в славянских идиомах

14:25 – 14:50 Хабибуллина Елена Викторовна, г. Казань (Россия)

К вопросу о преподавании старославянского языка иностранным

студентам

СЕКЦИЯ 3

Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социолингвистические, методические аспекты

08:00 – 12:25

Председатели:

Колмогорова Анастасия Владимировна

Сологуб Ольга Павловна

08:00 – 08:25 Резанова Зоя Ивановна, Рябова Юлия Алексеевна, г. Томск (Россия)

Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингвов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции

08:25 – 08:50 Колмогорова Анастасия Владимировна, Натпит Айдысмаа Андреевна, г. Красноярск (Россия)

Ассоциативное значение русских слов-стимулов в языковом сознании тувинско-русских билингвов и русских монолингвов

08:50 – 09:15 Палий Валерия Евгеньевна, г. Томск (Россия)

Когнитивная обработка локативных форм русских существительных в условиях славяно-тюркского двуязычия

09:15 – 09:40 Шишигин Кирилл Александрович, г. Москва (Россия), Лебедева Наталья Борисовна, г. Кемерово (Россия)

Идиш-славянские языковые параллели (на материале глаголов, деминутивов и устойчивых словосочетаний в рассказе Дер Нистера «Shiker» и в его украинском переводе)

09:40 – 10:05 Коршунова Ирина Сергеевна, Палий Валерия Евгеньевна, Резанова Зоя Ивановна, г. Томск (Россия)

Восприятие семантики слов русского языка в условиях языкового контактирования: эмоциональность, размер, положение в пространстве

ПЕРЕРЫВ 10:05 – 10:20

10:20 – 10:45 Сологуб Ольга Павловна, г. Тайбэй (Тайвань)
Концептуальные основы современного учебника РКИ,
базирующегося на практике онлайн-переписки

10:45 – 11:10 Стойнова Наталья Марковна, г. Москва (Россия)
Вариативность в согласовании по роду в русской речи
носителей тунгусских языков: количественное исследование

11:10 – 11:35 Гринев-Гриневи́ч Сергей Викторович, г. Москва
5(Россия), г. Сувалки (Польша), **Рогуцка Иоланта**, г. Сувалки (Польша),
Сорокина Эльвира Анатольевна, г. Москва (Россия)
Социолингвистические аспекты развития славянских языков

11:35 – 12:00 Хомченкова Ирина Андреевна, г. Москва (Россия)
Нестандартное употребление и реализация предложных групп в
русской речи носителей самодийских северно-самодийских языков

12:00 – 12:25 Погодаева Елена Николаевна, г. Томск (Россия)
Модусная интерпретация фактов в диалоге на материале
корпуса устной русской речи тюркско-русских билингвов (RuTuViC)

ИТОГОВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

14:50 – 15:20

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ФАКТОР «ЯТЬ» («Ъ»). СЛАВЯНСКИЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Глотов А. Л.

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия им. Т. Шевченко,
г. Кременец (Украина)

В ходе преподавания русского языка украинским школьникам и студентам, русского и украинского языков польским студентам, польского языка украинским студентам системно возникала ситуация, в которой усвоение грамматических форм изучаемого языка в словах очевидно подобных родному языку требовало на первый взгляд механического запоминания. Повторялась история с освоением правила употребления буквы «ять» в дореволюционной русской орфографии, упраздненной реформой 1917–1918 годов, когда чуть ли не единственным для учеников выходом из положения было запоминание так называемых «мнемонических стихов»: «Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ убѣжалъ голодный въ лѣсъ...», потому что альтернативой этому было запоминание нескольких десятков правил с несколькими десятками исключений.

В то время как для правильного употребления буквы «ять» русскому школьнику достаточно было знать украинский или польский язык, потому что в тех случаях, когда он не знал, что писать в слове «белый»: «е» или «ять», достаточно было вспомнить, что в украинском это слово пишется «білий» [билий], а в польском – «biały» [бялы], следовательно, в русском языке обязательно должен быть «ять». «Ять» как фонема практически исчез из всех современных славянских языков и диалектов.

Поэтому при изучении языков, исповедующих морфологический принцип правописания (а к таким и относятся русский, украинский и польский) в отличие от языков, где доминирующим или даже абсолютным является принцип фонетический (белорусский, сербский, грузинский), методологически и методически существенным является учет так называемого «фактора ять», то есть – непременно включения в актуальную синхроническую модель изучаемого языка диахронического компонента, который может внести надлежащую лепту рационального истолкования «странностей» чужой грамматики.

Подобную роль в методике может сыграть и еще одна вышедшая в тираж в русской орфографии буква: «юс» – было две версии – малый «ѣ» и большой «ж», которые примерно соответствуют в современном польском языке буквам «ę» и «ą», то есть «э» и «о» носовые, исчезнувшие в русском и украинском языках, а точнее – преобразовавшиеся в аналогичных позициях в звук [y] («dąb» – «дуб») или [a] («pięć» – «пять» – «п'ять»).

Само собой разумеющиеся для студентов филологических специальностей предметы историко-лингвистического цикла (историческая грамматика, историческая фонетика), расставляющие эти и подобные ситуации на научно и методически обоснованные места, не являются обязательными для соискателей образования нефилологического профиля, поэтому внезапные для них исторические экскурсы в дебри лингвистической архаики должны быть рационально обоснованными.

Даже для носителей польского языка не всегда прозрачными являются правила употребления буквосочетания «rz» [ж] в словах «brzeg, przyjaźń, morze» («берег», «дружба [приязнь]», «море») в отличие от буквы «ź» [ж] «może» («может»). Также для довольно многих представляет трудность дифференциация буквы «u» [y] и буквы «ó» [y], одна из которых – историческая «у» («trudno»), а вторая – историческая «о» («słowo» – р.п. мн.ч. «słowo»).

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Гринев-Гриневиц С. В.

Московский городской педагогический университет, г. Москва
Государственная высшая профессиональная школа
им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Рогуцка И.

Государственная высшая профессиональная школа
им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Сорокина Э. А.

Московский государственный областной университет, г. Москва

Актуальность социолингвистических корпусных исследований славянских языков определяется процессами глобализации и интеграции в Европе и перспективой превращения в локальные диалекты славянских языков малых стран с населением меньше 5 млн. жителей. К их числу относятся Словакия (5 млн), Македония (2 млн), Хорватия (4 млн), Черногория (0,6 млн), Словения (2 млн) и Босния и Герцеговина (3,5 млн).

Для того, чтобы, если не исключить, то уменьшить угрозу исчезновения малых славянских языков, необходима сознательная языковая политика. Одним из перспективных направлений языковой политики родственных языков, является если не конвергентное, то, по крайней мере, содружественное развитие лексики. Для достижения такого развития необходимо предпринимать меры по сближению лексики родственных языков, особенно специальной. При этом лексика национальных языков может рассматриваться как фонд лексического материала для образования интернационализмов путем взаимного заимствования терминов, а также рационального заимствования национальных терминов одновременно в ряд языков.

Выбор лексики объясняется тем, что лексический уровень языка является наиболее подвижным, отражающим все изменения в обществе и культуре носителей языка. В нем наиболее исчерпывающе отражен окружающий нас мир. Вместе с тем в лексических системах даже наиболее близкородственных языков всегда имеются различия, увеличивающиеся со временем. Сближение лексики способствуют увеличению возможности общения носителей близкородственных языков и позволяет расширить рамки их функционирования.

Рассматриваются возможности языковой политики, направленной на содружественное развитие славянских языков с учетом естественных факторов развития языка, системности в анализе и принятии решений, выработке стратегии и методов ее реализации. Отправным пунктом должны быть исследования совместимости национальных систем терминов методами сопоставительного терминоведения. В настоящей работе проводится анализ степени соответствия лексики славянских языков на примере терминологий лексикологии. В качестве материала исследования выступают около 100 русских, польских и белорусских лексикологических терминов.

Другим примером является разрабатываемый в настоящее время в рамках Международного комитета славистов проект общеславянского словаря терминов терминоведения, в котором принимают участие авторы. В этом словаре зафиксированы системные отношения между понятиями терминоведения. Термины приводятся на русском языке с дефинициями, устанавливающими строгие границы понятий, что позволяет в дальнейшем подобрать эквиваленты на всех славянских языках.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ: ВОПРОСЫ ИХ ТРАНСПОНИРОВАНИЯ И АДАПТАЦИИ

Долгушина Л. В.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Формирование первого литературного языка славян тесно связано с процессом заимствования и адаптации иноязычной лексики. Поскольку подавляющее большинство переводов делалось с греческого языка, то грецизмы являются самой обширной и значимой группой заимствований. В настоящем докладе рассматриваются проблемы транспонирования и адаптации заимствований из греческого языка на материале текстов таких выдающихся памятников, как «Изборник 1073 года» и «XIII Слов Григория Богослова».

Язык переводных памятников, изучаемый с привлечением иноязычного оригинала, позволяет глубже понять процессы заимствования и адаптации иноязычной лексики, что, в свою очередь, важно для всестороннего изучения процессов формирования лексического состава языка. Древнейшие переводы с греческого языка на славянский дают обширный материал для изучения процессов заимствования и освоения греческих слов.

Изучение заимствований из греческого языка в первом славянском переводе гомилий Св. Григория Богослова в сопоставлении с заимствованиями в другом известном переводном памятнике – Изборнике 1073 года – позволяет сделать вывод о том, что адаптация заимствованных слов в воспринимающем языке протекала по-разному, и это зависело от ряда причин: востребованности и воспроизводимости переведенного текста, общей переводческой стратегии и индивидуальных решений переводчика.

Наблюдения над языком переводных текстов позволяет также сделать вывод о том, что адаптация имен собственных и этнонимов обладает, по сравнению с адаптацией других заимствований, рядом особенностей. Так, применительно к текстам «XIII Слов Св. Григория Богослова» и «Изборника 1073 года» можно утверждать, что частичная морфологическая адаптированность заимствованных лексем в заимствующем языке могла использоваться как дополнительное средство, своего рода маркер, отличающий некоторые категории имен. Ряд фактов позволяет считать, что неполная адаптация некоторых заимствований являлась одним из способов выражения благоговейного отношения переводчика к особо чтимым именам и топонимам. Традиция особым образом выделять лексику, относящуюся к сфере «сакрального», формируется на самом раннем этапе существования славянской письменности и сохраняется, хотя и в трансформированном виде, в последующие века.

РУСИНСКОЕ *КВАР* ‘УЩЕРБ, ВРЕД, ПОРЧА’ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНО-УГОРСКИХ КОНТАКТОВ ПРИКАРПАТЬЯ

Дронова Л. П.

Томский государственный университет, г. Томск

Анализ лексики утилитарной оценки, истории ее формирования в русинском языке уже привлекал наше внимание (см. материалы данной конференции 2017 г.). Результатом исследования стал ожидаемый вывод: русинский язык как наследник древнеславянских диалектов сохраняет следы праславянского (общеславянского) этапа формирования утилитарной оценки (русин. *користь* ‘польза’, *казити* ‘портить, вредить’), но более всего эта лексика в русинском языке – результат региональных межъязыковых связей, региональные диалектизмы с разной глубиной истории, судя по тому, что часть из них утратила внутреннюю форму, мотивировочный признак (*вадити*, *вада*, *кварити*, *квара*), часть сохраняет (*пожиток*, *пригода*, *придаток*, *проснів*; *псутя*, *псути*). В лексике утилитарной оценки русинского языка есть и заимствования неславянского происхождения (русин. *хосен* из венгерского, *шкода* через западнославянские из древневерхненемецкого)¹.

Вновь обратиться к утилитарной лексике русинского нас побудило русин. *квар* ‘порча, вред’ с его соответствиями в гуцульских говорах, в южнославянских языках и словацком (диал.), увиденное в контексте славяно-угорских связей. По мнению О.Н. Трубачева, для рассматриваемой лексики реконструируется праслав. **kvarǵ*, которое производит впечатление весьма старого образования по своей словообразовательной структуре, по остаточному характеру отношений (ареал распространения), отдельные звенья которых рано изолированы и восстанавливаются с трудом².

Действительно, праслав. **kvarǵ* по своей словообразовательной структуре и фонетической реконструкции производит впечатление весьма старого слова, возводимого к и.-е. **kiōǵ-/kʷōǵ-* с продлением корневого гласного. Ранее мы согласились с таким выводом, хотя сомнения вызывал аргумент про «остаточный характер отношений», то есть про ареал распространения. Поскольку, с одной стороны, не обнаруживается аналогичного или просто однокорневого образования в родственных, индоевропейских, языках. С другой стороны, сомнения вызывает компактный, плотный ареал распространения лексики с корнем *квар-/kvar-* с практически одинаковой семантикой в центре ареала – в болг. (диал.), сербохорватском, словенском (‘вред, порча’, ‘вредить, портить’, ‘испорченный, поврежденный’) и с изменением, размыванием семантики на периферии ареала (слвц. диал. *kvár* ‘потрава в поле’³, гуцул. *квар* ‘болезнь, беспокойная, тяжелая работа’, *кварувати* ‘болеть’⁴, слвц. диал. *kvaric*, *kvarič* (лемк.?) ‘стащить, брать без разрешения’⁵. То есть нет «рваного» ареала, какой обычно наблюдается у древних образований.

В исследовании А.В. Дыбо «Чем болгарский язык отличается от других тюркских языков?»⁶ обнаруживается: пратюрк. **kōr* ‘вред, убыток, ущерб’ реализовалось как дун.-булг. **qvār*, которое можно считать источником для венг. *kár* ‘вред’ (в венгерском запрещены начальные сочетания согласных). Это позволяет предполагать иной источник и глубину происхождения славянской лексической группы.

¹ Дронова Л. П. Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 31-40. DOI: 10.17223/18572685/48/3

² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. М., 1987. С. 149-150

³ Там же. С. 150.

⁴ Ю. Піпаш, Б. Галас. Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005. С. 76

⁵ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. М., 1987. С. 150.

⁶ <http://postnauka.ru/video/55756>

БУЛГАРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА¹

Дыбо А. В.

Институт языкознания РАН, г. Москва
Лаборатория лингвистической антропологии ТГУ, г. Томск

В докладе рассматриваются лексические заимствования из дунайско-булгарского языка в южнославянские языки и из волжско-булгарского языка в восточнославянские языки; устанавливается система фонетических соответствий гласных, возникавшая при адаптации болгарских слов в раннее состояние славянских языков.

Собранный к настоящему времени материал позволяет утверждать, что в славянских языках можно различать две категории болгарских заимствований.

1. Слова, заимствованные из языка дунайских болгар в южнославянские языки, которые, видимо, попали в старославянский язык и распространились в восточнославянские, а также частично в западнославянские языки с литературным языком славянского мира. По историческим основаниям эти заимствования должны быть датированы VIII–IX вв. н.э.

2. Слова, заимствованные из языка волжских болгар в восточнославянские языки (на волжском торговом пути) и частично распространившиеся в западнославянские языки, в основном в польский. Эти заимствования должны, по-видимому, быть датированы позже, после возникновения государства Волжской Булгарии.

Предположительный фонетический облик болгарских слов установлен с помощью, с одной стороны, последней версии реконструкции пратюркского языкового состояния, с другой – данных о болгарской фонетике, получаемых из единственного живого потомка болгарских языков – чувашского – и из анализа последствий массового заимствования из двух разных состояний болгарских языков (прабулгарского и дунайско-булгарского) в венгерский. В частности, результат исследования позволяет подтвердить сохранение в раннем состоянии славянских языков нефонологической оппозиции по долготе ~ краткости гласных, скоррелированное с их качественными различиями.

¹ Исследование проводилось в рамках проектов «Языковое и этнокультурное разнообразие южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014); «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (РНФ № 18-18-00501).

СОЮЗ *ТОГДА КАК* И ЕГО АНАЛОГИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Дымарский М. Я.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Институт лингвистических исследований, г. Санкт-Петербург

История сравнительно молодого русского союза *тогда как* интересна тем, что за два века он эволюционировал от подчинительного временного до почти бесспорно сочинительного сопоставительного. К концу XVIII в. сложились употребления сочетания *тогда как* в качестве 1) предшественника союза – контактной рамки местоименно-соотносительного сложноподчиненного предложения отождествительного типа; 2) подчинительного временного союза; 3) союза с уступительным значением; 4) союза с сопоставительным значением (причем два последних нередко совмещаются в разных пропорциях). Для второй половины XVIII – первой половины XIX вв. характерны употребления *тогда как* во всех этих функциях:

(1) *...ведь надобно ж, чтоб это случилось именно тогда, как я в отсутствии* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)];

(2) *Хамелеон, который шел мимо свиньи тогда как валялася она в грязи по своему обыкновению, говорил ей <...>* [Д. И. Фонвизин. Свинья и хамелеон [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765)];

(3) *<...> запрещено стало носить горностаевые мехи с хвостиками, которые одна она (Екатерина I. — М. Д.) носила, и сие не указом, не законом введенное обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки его употребляют* [М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786–1787)];

(4) *Приказных формулярных о том выправок я не рассудил за благо сам делать по причинам, что разыскано много; потратил бы на то времени, тогда как вы [имеете] несравненно более способов из Москвы или из Смоленска с означенных грамот доставить себе порядочные засвидетельствованные копии* [И. Ф. Богданович. Письма (1767–1800)].

Однако в течение последующих полутора столетий два первых типа утрачивают актуальность и практически сходят на нет: в современной русской речи абсолютно доминирует сопоставительное употребление, в котором *тогда как* обнаруживает явные признаки сочинительного союза, при сохраняющемся, но значительно менее активном уступительном употреблении. Основываясь на данных конкорданса, построенного при помощи корпуса ruTenTen11¹, можно оценивать частотность сопоставительного употребления в 88 % от всех вхождений, включающих и спорадические уступительные употребления.

Заслуживает внимания тот факт, что аналогичные русскому украинский союз *тоді як* и белорусский *тады як* обнаруживают, при некоторых не очень значительных расхождениях, тот же вектор эволюции (в других славянских языках подобных аналогов русского союза не находится).

Украинский союз характеризуется как подчинительный временной с оттенком уступки или противопоставления:

«**ТОДІ** <...> Уживається, як частина складеного підрядного сполучника *тоді як* у часових підрядних реченнях, що мають відтінок допустовості або протиставлення; тим часом як. *Молодиця сумна-зажурена, життя, видно, глибоко чіпало її серце,...* **тоді як** *дід сховав своє серце від злих і добрих ураз життя під суворою запоною старості* (Панас Мирний, I, 1954, 166)» (Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970—1980)².

Белорусский союз описывается как временной с сопоставительным оттенком:

¹ <https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2FruTenTen11> 8

² <https://slovyk.ua/index.php?sword=%D1%82%D0%BE%D0%B4%D1%96>

«ТАДЫ <...> 4. у знач. злуч. Выкарыстоўваецца ў спалучэнні са злучнікамі «як» у даданных часавых супастаўляльных сказах са знач.: у той час як, нягледзячы на тое што. *Мы толькі снедалі, т. як яны ўжо садзіліся абедань*» (Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2016. С. 812).

Показательно, что в обоих случаях первичным и основным считается темпоральное значение союза (кстати, В. В. Виноградов тоже считал русский союз *тогда как* временным). Между тем современное употребление этих союзов в обоих языках демонстрирует абсолютное преобладание сопоставительного значения: по данным конкордансов, построенных при помощи корпусов beTenTen16¹ и ukTenTen14², в белорусском языке частотность таких употреблений составляет, как и в русском, 88 %, в украинском – 81 %.

В докладе предполагается обсудить возможные основания, ставшие причиной столь заметного сходства в семантическом (и даже грамматическом) развитии трех параллельных союзов в восточнославянских языках.

¹ <https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fbetenten16>

² <https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fuatenten14>

ОБРАЗ ЧЕХИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ И Л. СВИРСКОЙ

Евпак Е. В.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Антропоцентризм современной лингвистической науки определяет интерес исследователей к проблеме проявления человеческого фактора в языке. На первый план выдвигается изучение междисциплинарного феномена «языковой личности», являющейся основным объектом и предметом современного лингвистического направления – лингвоперсонологии. Обращение к языковой личности, с точки зрения Е. В. Иванцовой, «дает принципиально новую картину реального функционирования языка социума, позволяет проанализировать общественное и индивидуальное в языке, отражение в языковой системе духовной культуры народа»¹. Представленное исследование посвящено изучению проблемы лингвоперсонологической вариативности поэтического дискурса на примере описания авторских поэтических текстов Марины Цветаевой и Людмилы Свирской. Лингвоперсонологическая вариативность в поэтическом тексте рассматривается в данном исследовании как проявление различий языковой способности творческой языковой личности.

Актуальность исследования обусловлена также тем, что привлекается новый материал – поэтические тексты эмигрантского периода Людмилы Свирской. Поэтический дискурс языковой личности, погруженной в иносреду, представляет особый интерес для лингвоперсонологии, так как эксплицирует один из нестандартных «участков» поэтического персонопространства.

В докладе отмечается, что исследование языковой личности является одним из перспективных направлений современной лингвистики. Теория языковой личности отражает современные тенденции гуманитаристики к антропоцентризму. Активно разрабатывается направление лингвоперсонологии, изучающее языковую личность в персонологическом аспекте и включающее комплексный подход к объекту направления. Одним из способов изучения языковой личности является исследование поэтического дискурса.

Лингвоперсонологический анализ проведен на материале поэтических текстов с точки зрения актуализации эмигрантского образа Чехии в произведениях Марины Цветаевой и Людмилы Свирской. Отмечается, что необходим особый подход к изучению личности и творчества М. Цветаевой и Л. Свирской, учитывающий особенности речевого поведения языковой личности, отражения и реализации ее ценностных установок, эпоху, биографию поэта, его окружение, анализ чешского периода, отношения поэтов к Чехии и отражение данных факторов в языке.

Так, особый интерес вызывает эмигрантская поэзия Людмилы Свирской. Людмила Свирская, чешский поэт, является одним из ярких представителей современного поэтического искусства. Автор семи стихотворных сборников, изданных в России и Чехии, и многочисленных публикаций. В 2018 г. Людмила Свирская становится победительницей престижного конкурса среди поэтов русского зарубежья – «Пушкин в Британии», она живет и работает в Праге с 1999 г. Сама Л. Свирская следующим образом описывает соотношение ее местопребывания и возникающих в нем ощущений: «Живу в Праге. Пишу по-русски. Мечтаю о мировой душе. Вообще-то я больше стихи пишу... Но в жизни иногда все так перемешивается!»². Значимы рассуждения Л. Свирской о взаимозависимости местоположения поэта и его творчества. Так, она считает, что страна проживания влияет на произведения творца только «в общебытовом, экзистенциальном смысле». В стихах могут

¹ Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С.5–6.

² <https://proza.ru/avtor/ludmilasvir73&s=50>

быть отображены реалии того места, где живет поэт, кроме того, их нужно выразить средствами чужого языка. Тем не менее, главные темы – любовь, природа, жизнь, смерть – сохраняются независимо от страны и национальности, что объединяет читателей и поэтов по всему миру. Многие стихи, написанные Л. Свирской, посвящены Чехии, в частности Праге. В них отражены реалии страны, переданные через восприятие поэта, приехавшего из России. Особенностью творчества Л. Свирской является гармония и отсутствие драматизма, диалектическое единство мира социального и мира культуры, которые отражают индивидуальность автора.

К ПРОБЛЕМЕ СИНХРОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАТНОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА)

Иркова А. В.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

В науке и практике весьма актуальна проблема типологии различных языков, в том числе славянских. В этой связи перевод во всех его формах – важный исследовательский подход к языку, новый метод его описания.

Соотношение шкал степеней переводимости и /или доступности исходного текста является гипотезой о прямой пропорциональной зависимости первого от второго¹. В результате обратного машинного перевода (ОМП) получается отражение русского текста в «двойном» переводческом зеркале.

Цель работы – выявить и описать семантическую эквивалентность лексики русского, белорусского и украинского языков. Методы – ОМП, сравнение текстов на схожесть (программа «MaJento»). Материал исследования – строфы из произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Так, например, начальные строки восьмой главы произведения на **русском языке** таковы: «*В те дни, когда в садах Лицея / Я безмятежно расцветал, / Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал...*». Машинный перевод на **украинский язык** таков: «*В ті дні, коли в садах Лицею / Я безтурботно розцвітав, / Читав охоче Апулея, / А Цицерона не читав ...*». Машинный перевод на **белорусский язык**: «*У тья дні, калі ў садках Лицэя / Я ціхамірна расквітаў, / Чытаў ахвотна Апулея, / А Цыцэрона не чытаў...*».

Обратный машинный перевод выдаст следующую деривационную цепочку: “русский язык – украинский язык – обратно русский язык”: Т1-русс. → Т2 русск./укр. → Т3 укр./русс), где Т1 русск. (исходный русский текст-транслятум) → Т2 русск./укр. (текст-транслянт, полученный в результате машинного перевода Т1-русс. на украинский язык) → Т3 текст-транслянт укр./русс. (вариант русского текста, возникший после перевода Т1 русск. на украинский язык и обратно на русский).

Это распространяется и на обратный машинный перевод “русский язык – белорусский язык – обратно русский язык”.

По общим процентам при сравнении двух текстов проявляется сходство украинского и русского языков (тексты сходны на 75% и 100%); также раскрывается отдаленность белорусского языка от русского (тексты в обеих версиях схожи на 0%). К конкретным несовпадениям слов относятся следующие лексемы: «явилась» («появилась»); «сиявших» («сияли»); «безмятежно» («мирно»); «кликах лебединых» («лебединым щелчком») и др. Такая ситуация обусловлена влиянием синхронного фактора (развитость литературного языка) на типологию лексики в контексте генетических особенностей славянских языков.

Таким образом, в докладе показано, что украинский язык ближе к русскому на лексико-семантическом уровне, чем белорусский язык. Перспективы исследования связаны, во-первых, с привлечением другого материала и других языков для изучения в типологическом аспекте; во-вторых, с актуализацией других цифровых сервисов в плане обратного машинного перевода.

¹ Голев Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода // Вестник Кыргызско-русского славянского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т.18. №1. С. 36–46.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК МОДИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Киклевич А.

Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын (Польша)

Хотя текст функционирует в контексте культуры, он сам является контекстом для элементов меньшего формата. В силу того, что прецедентный текст (определение которому было дано Ю. Н. Карауловым в 1987 году) обладает особым культурно-ценностным статусом, функциональные характеристики составляющих его единиц получают генерализацию: они переносятся в другие дискурсы, а некоторые из них закрепляются за знаками в языковой системе. При этом можно различать несколько видов такой модификации лексических значений.

Апеллятивизация заключается в том, что имя собственное, которое в прецедентном тексте относится к определенному объекту и имеет конкретную референцию, благодаря фактору прецедентности становится знаком понятия, содержащего характеристики его референта в прецедентном употреблении. Наиболее частый случай этого рода – переосмысление названий персонажей известных произведений искусства (особенно литературы и кино). Апеллятивизация имеет разную интенсивность: может выступать в форме деонимизации или в форме реминисценции как источника семантических и прагматических коннотаций.

Экземплификация состоит в том, что слово из прецедентного текста употребляется в качестве прототипического экземпляра некоторого понятия. Референт имени собственного в прецедентном тексте функционирует как культурный «фиксатор», с одной стороны, стабилизируя определенный образ, а с другой – конкретизируя его.

Семантическая реинтерпретация слова под влиянием прецедентного текста особенно касается его аксиологического аспекта. Прецедентный текст обычно обуславливает модификацию значения, а именно – возникновение дополнительных оценочных коннотаций, которые переносятся в другие дискурсы, а иногда становятся фактами языка. В силу такой модификации возможны преобразования трех типов:

- 1) нейтральное значение становится оценочно маркированным;
- 2) положительная оценка меняется на отрицательную;
- 3) отрицательная оценка меняется на положительную.

Все представленные процессы иллюстрируются в докладе примерами современного польского и русского языков.

АССОЦИАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ СЛОВ-СТИМУЛОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТУВИНСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ И РУССКИХ МОНОЛИНГВОВ

Колмогорова А. В., Натпит А. А.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Доклад посвящен обсуждению результатов лингвистического эксперимента, целью которого было ответить на вопрос об отличиях ассоциативного значения русских слов в языковом сознании русско-тувинских билингвов и русских монолингвов, проживающих в Туве.

На современном этапе развития лингвистики наблюдается активный интерес исследователей к проблемам контактирования языков. Данная проблематика находится сегодня в фокусе внимания сибирских лингвистов. Так, в Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ ведется активная работа по исследованию психолингвистических аспектов русско-тюркского языкового взаимодействия¹.

В рамках Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований языка СФУ ведутся исследования специфики психолингвистических параметров русских слов в языковом сознании тувинцев-билингвов² с целью дальнейшего использования полученных результатов для корректировки стимульного материала и упражнений для организации речевой терапии тувинцев-билингвов с диагнозом «афазия».

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена тем, что рассматривается взаимовлияние языков в процессе формирования двуязычия.

Проблема, находящаяся в фокусе нашего исследовательского интереса, связана с тем, что в последние несколько десятилетий в связи с активным формированием билингвизма в Республике Тыва наблюдается процесс интеграции русских слов в устную речь тувинцев практически всех возрастных категорий населения. Несмотря на то, что русско-тувинские языковые связи начали формироваться не более, чем 100 лет назад, регулярный контакт с русским языком приводит к изменениям тувинского языка. Многие русские слова уже не считаются диалектизмами, не осознаются тувинцами как инородные или иностранные – они вошли в литературный язык и в устную речь тувинцев. Однако однозначного ответа на вопрос, означает ли это, что их статус, роль и наполнение в психолингвистической реальности тувинцев-билингвов те же, что у русскоязычных монолингвов, пока нет.

Целью данного исследования является получение посредством проведения ассоциативного эксперимента с тувинцами-билингвами, проживающими на территории Республики Тыва, ответа на следующие вопросы: совпадает ли ассоциативное содержание русских слов-стимулов у русских монолингвов и тувинцев-билингвов; на каком языке билингвы преимущественно реагируют на русскоязычные слова-стимулы?

На первом этапе экспериментальной работы с 20 носителями тувинского языка, средний возраст которых составил 33 года, было проведено интервью на тувинском языке. Для выявления наиболее употребляемых русских слов в повседневной речи тувинцев, когда они общаются на тувинском языке, респондентам, после нескольких контактоустанавливающих реплик, были заданы вопросы подобного характера: во сколько вы встаете утром? Что вы делаете в течение дня? Что едите на завтрак? На чем добираетесь до места работы / учебы? и

¹ Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107-117. DOI: 10.17223/18572685/52/8

² Колмогорова А.В. Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингвов: опыт экспериментального исследования // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 197-210. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

т.д. Респондентов просили подробно рассказать об их обычном дне, описать комнату / квартиру / дом. Для следующего этапа исследования из зашифрованных материалов интервью были выбраны 10 русских слов, которые наиболее часто встречались в устной речи опрошенных: *школа, садик, гараж, машина, печка, газель, шкаф, кухня, общежитие, огород*.

Для решения задачи выявления специфики ассоциативных значений данных стимульных слов в языковом сознании русских монолингвов и тувинско-русских билингвов был проведен ассоциативный эксперимент. Информантами выступили 30 русских монолингвов и 30 русско-тувинских билингвов, которым было предложено дать реакцию на 10 отобранных по результатам интервью слов-стимулов.

В результате обработки результатов эксперимента установлено, что 1) русские слова, предъявленные билингвам, дают доступ сразу к двум ментальным лексиконам – русскому и тувинскому; 2) в обоих лексиконах они актуализируют преимущественно парадигматические связи по типам: целое – части, ситуация – ее составляющие; 3) у монолингвов же доминируют синтагматические связи, количество актуализируемых связей у билингвов больше, чем у монолингвов; 4) некоторые связи у билингвов совершенно идентичны тем, что есть у монолингвов, но количество таких ассоциативных связей минимально.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУПРУЖЕСКОГО СОЮЗА В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Колосова Е. И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Актуальность обращения к лингвокультурологическому анализу паремий с базовым концептом 'семья' становится очевидной в условиях межкультурной коммуникации, в рамках преподавания славянских языков в вузе.

Основу семьи составляет брак, супружеский союз мужчины и женщины, от их отношений зависит внутрисемейная атмосфера и положение семьи в социуме. Отношение к женитьбе в рассматриваемых языках выражено двояко. Брак достаточно часто может восприниматься с отрицательной коннотацией; сравним, например, польскую пословицу *Małżeństwo – męczeństwo* (Брак – мучение) и такое популярное у русских выражение *Хорошее дело браком не назовут*, но в то же время в польском языке фиксируются варианты пословиц – *Żonaty żyje jak dziad, a umiera jak król* (Женатый живет как нищий, а умирает как король); *Kawaler żyje jak król, a umiera jak dziad* (Холостой живет как король, а умирает как нищий). Одиночество и холостая жизнь тоже не поощряются. Примеры этому чаще встречаются в русском языке: *Без мужа, что без головы; без жены, что без ума; Вдовой да сиротой хоть волком вой; Без жены как без шапки.*

Цель данного исследования – выявить национально-культурную специфику репрезентации концепта 'семья' в русском и польском языках. Материалом исследования послужили словарные статьи с использованием базовых понятий, связанных с заявленным концептом, в составе пословиц и поговорок русского и польского языков. Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: описательный, включающий в себя сопоставление, обобщение фактического материала, метод лингвокультурологического анализа. Классификация фактического материала в родственных языках с учетом функционирования и репрезентации концептов в паремиях открывает возможность исследования данных понятий с учетом национальной специфики.

В результате исследования был сделан вывод, что в целом у двух славянских народов был сформирован сходный образ идеальной семьи, который включает в себя три составляющих: дом (хозяйство), жена и дети. От качества этих составляющих и зависит благополучие семьи и счастье ее главы. Сравните: польск. *Majątek czysty, żona snotliwa, potomek godny – znak błogosławieństwa* (Хозяйство чистое, жена добродетельная, потомок достойный – знак благословенья); рус. *Не столько муж мешком, сколько жена горшком.*

Детальный анализ исследуемого материала позволил выделить как общее, так и национально-индивидуальное наполнение концепта. К общим чертам можно отнести следующие положения:

семья – основа общества;

брак – социальный институт регулирования семейных отношений;

гармоничная семья – идеал общественного устройства;

дети – неотъемлемая составляющая семьи.

Национальная специфика осознания этого явления у двух народов в большинстве случаев проявляется на уровне индивидуальных смыслов, которые неразрывно связаны со сферой эмоций, оценивания и благодаря которым обнаруживается различие менталитетов родственных этносов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ XVIII В. СКВОЗЬ ПРИЗМУ КСЕНОЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ А.В. СУВОРОВА)

Конончук И. Я., Филь Ю. В.

Томский государственный университет, г. Томск

Языковая личность представляет значимый для разных областей лингвистики объект исследования, позволяющий изучить общие тенденции существования языка на материале речи отдельного человека, а порожденный личностью языковой материал рассматривается как источник изучения отдельных процессов, протекающих в языке и эксплицированных в речи личности.

Историческая языковая личность – особый тип личности, характерный для определенного временного периода, детерминированный его общими чертами, накладывающими свой отпечаток на языковую деятельность представителей эпохи. В докладе в фокусе внимания находится значимая для славянского мира языковая личность А.В. Суворова, письма которого (на русском и иностранных языках) дают богатый материал как для лингвоконтактологии, так и для лингвоперсонологии.

XVIII в. характеризуется активными контактами с другими государствами и массовыми заимствованиями. Важным параметром языкового портрета носителя языка этого периода становится чувствительность языковой личности к иноязычиям, ее способность принимать и адаптировать заимствуемые в язык элементы.

Широкий культурно-языковой кругозор языковой личности А.В. Суворова подтверждают знание реалий «иноязычной» действительности, тематический охват используемой ксенолексики (11 тематических классов заимствованных слов, отражающих все функциональные сферы общества), четкое понимание коммуникативной значимости той или иной единицы.

Ксенолексика, зафиксированная в рассматриваемом эпистолярии, отражает определенный срез языковой личности А.В. Суворова, свидетельствует о новаторском характере данной языковой личности, дает основания судить о нем как о проводнике новой иноязычной лексики.

Использование ксенолексики А.В. Суворовым нельзя расценивать как массовое и механическое: для него характерны не только семантическое переосмысление иноязычных слов, но и их структурное переоформление, замена русскими аналогами, вариативность в использовании иноязычных и русских единиц. Об этом свидетельствуют и случаи использования заимствованных слов в переносном значении и/или с другим коннотативным насыщением по сравнению с первоначальным значением единиц.

Проведенный анализ единиц репрезентативных групп ксенолексики демонстрирует такие аспекты исследуемой исторической языковой личности, как «военная», «государственная», «бытовая», «культурная» личность. Исследование позволяет сделать вывод о широком функциональном масштабе языковой личности А.В. Суворова; выделить ее следующие черты: свободное владение лексическими средствами разных языков и их эффективное использование; широкий кругозор, проявляющийся в спектре используемых лексических и стилистических средств языка; новаторство в использовании иноязычных единиц, адекватных для обозначения реалий русской (и шире – славянской) жизни и не нарушающих норм родного языка; образность мышления и способность к языковой игре с опорой на знание действующих языковых закономерностей и моделей.

ВОСПРИЯТИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ: ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, РАЗМЕР, ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ¹

Коршунова И. С., Палий В. Е., Резанова З. И.
Томский государственный университет, г. Томск

Доклад посвящен выявлению психолингвистических аспектов контактирования языков. Представлены результаты экспериментальной проверки гипотезы о том, что семантические структуры родного языка и, возможно, особый культурный опыт окажет влияние на восприятие слов второго осваиваемого языка, что проявится в различии оценок одних и тех же слов носителями русского языка как родного и как осваиваемого. Данная гипотеза проверяется на конкретном материале оценок восприятия эмоциональности, размера и положения в пространстве носителями русского языка как родного и русско-хакасскими билингвами.

Исследование основано на материале базы данных RuTurcPsychLing, которая включает данные об оценках психолингвистических параметров размера, эмоциональности, расположения в пространстве, манипулируемости, знакомости и связью с температурным признаком слов русского и тюркского языков носителями русского и 2-х тюркских языков – татарского и хакасского русскими. Оценки были собраны с использованием метода шкалирования Ликерта для 200 глаголов, 195 существительных, 194 прилагательных. База данных создана в Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ и является соотнесенной по составу слов с ранее созданной базой данных RuWordPerception (Резанова З.И., Машанло Т.Е. и др.)

Данное исследование опирается на корпус 176 029 оценок русских слов по 3 признакам, данных как носителями русского языка как родного (группа L1-R), так и хакасско-русскими билингвами (группа L1-CH). Далее проведен корреляционный анализ групп оценок с использованием языка программирования R. Анализ выявил, что оценки одного и того же набора слов в группах L1-R и L1-CH различаются. Следует отметить различие устанавливаемых корреляций между оценками, данными двумя группами респондентов. При сравнении корреляционных связей в двух группах респондентов были установлены

1) разнонаправленные корреляции оценок эмоциональности и размера: оценки в группе L1-CH находятся в обратной корреляции (-0,34: чем слово эмоциональнее, тем оно меньше связано с размером), в группе L1-R эти же оценки находятся в положительной корреляции (0,22: чем слово эмоциональнее, тем больше оно связано с размером);

2) однонаправленные корреляции разной степени: отмечается более сильная связь оценок эмоциональности и положения в пространстве в группе оценок L1-R (0,38 VS 0,12);

3) лакуарность корреляционных связей: так, в группе оценок L1-R отмечается средняя положительная корреляция между эмоциональностью и положением в пространстве (0,45: чем слово больше связано с эмоциональностью, тем больше оно связано с положением в пространстве), отсутствующая в характере соотношения оценок в группе L1-CH, и наоборот, в оценках респондентов-хакассов устанавливается слабая положительная корреляция между положением в пространстве и размером - 0,15, отсутствующая в группе оценок L1-R.

Полученные данные свидетельствуют о наличии влияния структур родного языка и различий культурного опыта на восприятие слов и соотносятся с гипотезой лингвистической относительности.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

СРАВНИТЕЛЬНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧЕШСКОГО, УКРАИНСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Курьянович А. В., Дубина Л. В.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Семантика порядка 80 % фразеологизмов любого национального языка связана с человеком¹. Материалом настоящего исследования выступают фразеологизмы (по 50 единиц из каждого рассматриваемого языка) тематической группы «Человек», в значении которых ядерной является сема «оценка», отобранные из лексикографических источников.

Рассмотрение данных языковых единиц с позиций сопоставления культурологического и концептологического содержания способствует осмыслению фрагмента картины мира, связанного с экспликацией представления о человеке в славянских языках, выделению универсальных и вариантных характеристик человека, существующих в обозначенных славянских лингвокультурах.

Установлено, что носителями этих лингвокультур порицаются глупость, невежество, наглость, грубость, лживость, лень, скупость и пр. Во всех обозначенных языках присутствуют семантически эквивалентные фразеологизмы, номинирующие неопытного, молодого, незрелого человека. В основе каждого из них лежит сема «молоко», ассоциативно сопрягаемая в процессе интерпретации с образом раннего детства, когда беспомощного ребенка мать кормила молоком: *молоко на губах не обсохло* (рус.), *má ještě mléko na bradě* (у него все еще молоко на подбородке) (чеш.), *губи [ще] в молоці* (укр.), *ta mleko pod nosem* (у него молоко под носом) (польск.). Фразеологизмы с негативной оценкой человека во всех анализируемых лингвокультурах количественно доминируют. Положительно оцениваются наличие опыта, богатства и житейской мудрости, успешность, красивый внешний облик, здоровый вид. Нейтральная оценочная коннотация отличает фразеологизмы, эксплицирующие наличие черт сходства / различия между людьми, отношений между ними.

В случаях общекультурной интерпретации речь идет о семантико-стилистических и/или формально-структурных полных или частичных эквивалентах. Так, человека, приносящего позор семье, своему окружению, называют во всех анализируемых национальных лингвокультурах *овцой*: *паршивая (заблудшая) овца* (рус.), *ztracená ovečka* (потерянная овца) (чеш.), *заблукана вівця* (заблудшая овца) (укр.), *czarna / parszywa owca* (черная / паршивая овца) (польск.). Это полные эквиваленты.

Различия в оценочной интерпретации человека в разных лингвокультурах обуславливаются как собственно языковыми факторами, так и внелингвистическими. В данном случае фразеологические единицы не являются эквивалентными. Например, представления о богатом человеке отражают фразеологизмы с отрицательной оценкой, однако в разных языках лежащий в основе единицы образ – специфичен: *считает каждую копейку* (рус.), *počítá i hrách do hrnku* (считает горох в кружке) (чеш.), *здере з живого й мертвого* (укр.), *mieć forsy jak lodu* (иметь денег как льда) (польск.).

Анализ показал количественное преобладание универсальных фразеологизмов над вариантными: фрагменты фразеологической картины мира славянских языков имеют устойчивое инвариантное ядро, варианты смыслов характеризуются культурно-исторической обусловленностью.

¹ Ратушная Е.Р. Антропонимирующая парадигма русской фразеологии: (Семантика, формирование, функционирование): дис. ... д-ра филол. наук. Курган, 2001. 417 с.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЯДЕР ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ МЕТОДОМ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛОВАРЯ

Маркова Е. М.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, г. Москва
Католический университет, г. Ружомберок (Словакия)

Меркулова И. А.

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Сопоставительные исследования лексики близкородственных языков не теряют своей актуальности с момента появления «Сравнительного словаря всех языков и наречий» Петра Симона Палласа – уникального многоязычного лексикографического источника XVIII в. и по настоящее время, о чем свидетельствуют работы последнего десятилетия (Е.В. Рахилиной, Т.И. Резниковой; Е.Л. Березович; Т.И. Вендиной; О.М. Воеводской; Л.П. Дроновой). Данный доклад посвящен рассмотрению степени близости ядерной лексики чешского и словацкого языков, выделенной с помощью методики параметрического анализа.

Кратко суть методики можно изложить так. С использованием электронной версии лексикографического источника, представленной как база данных в таблице Excel, осуществляется поэтапный отбор лексических единиц в соответствии с высокими показателями функционального, синтагматического, парадигматического и эпидигматического веса в 4 частных параметрических ядра. В результате слияния этих частных ядер получается итоговое множество – параметрическое ядро лексики словаря, в котором представлены:

- 1) слова с максимально богатыми системными связями, вошедшие во все четыре ядра – это *малое параметрическое ядро лексики* (МПЯЛ);
- 2) слова, вошедшие в три частных ядра – *большое параметрическое ядро лексики* (БПЯЛ);
- 3) слова, вошедшие в два частных ядра, относятся к периферии большого параметрического ядра;
- 4) слова, представленные только в одном частном ядре, в силу немногочисленности их системных связей составляют потенциально релевантную часть лексики.

Объектом исследования являются большие параметрические ядра лексики (второе множество из указанных выше) чешского и словацкого языков.

В результате подсчетов было установлено, что по значению в ядрах чешского и словацкого языков совпадает 61 слово, а 30 слов из них совпадает еще и по форме.

Стоит отметить тот факт, что слов, которые бы имели совпадения по форме, но различались по значению, не обнаружено. Это свидетельствует об отсутствии в лексических ядрах языков так называемых межъязыковых омонимов.

Далее анализируется качественный состав ядер, чтобы узнать, чем наполняется лексико-семантическое пространство этих языков. Выделяются семантические группы «первостихии» с категориями «вода», «земля», «воздух», «огонь», «абстрактные понятия» с множествами «хронотоп» (время и пространство), «мереология» (отношение часть – целое), «признаки» (тел и субстанций) и «тела» с множествами «человек», «растения», «животные» и «предметы». Множество «человек» семантической группы «тела» в свою очередь делится на подклассы «человек природный», «человек психический» и «человек социальный». Витальность «человека» предполагает пять видов деятельности «деятельность перемещающая», «деятельность приобщающая», «деятельность производящая», «деятельность преобразующая» и «деятельность имитирующая». Далее рассматривается их количественное наполнение в чешском и словацком языках.

Проведенный анализ показал, что базовые семантические группы в чешском и словацком языках номинально совпадают, но их внутригрупповое распределение не одинаково.

ПРАСЛАВЯНСКИЙ СЛЕД В РУСИНСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ПАРЕМИОЛОГИИ¹

Мокиенко В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Исследование так называемых «малых языков» – один из научных вызовов современной славистики. Именно в них нередко сохраняются архаичные реликты праславянской языковой общности. В докладе предлагается детализированный анализ русинской лексемы *потя* ‘небольшая птица’, которая является наследием праславянского языка. При этом это слово и по форме, и по семантике точно соответствует его праславянскому прототипу, реконструкция которого предлагается в исследовании. Автор приводит репрезентативный ряд производных этого слова (*потята, потятко, потяйтко, потька, потюк, потюх, потич, потак, потячный, потычий* и др.), зафиксированный словарями И. Франко, Д. Попа, И. Керча, М.Й. Онышкевича, М.Д. Матвийива и др., прослеживает его семантическую эволюцию и демонстрирует его коннотативные потенции. Это слово сопоставляется с восточнославянскими и словацкими лексемами того же корня с регистрацией семантических сходств и различий.

Особое внимание уделяется поговоркам (соответственно фразеологизмам) и пословицам с компонентом *потя*. В хронологическом, ареальном и структурно-семантическом ключе характеризуются поговорки: *Потя малое береса на свої крыла; Вадяться так, што й потя бы на хижу не сіло; Ци сова не потя?; Лем потячое молоко му хибить*. Они сопоставляются с украинскими, русскими и другими славянскими или общеевропейскими поговорками. Выявляются как общие, так и различные их особенности. В том же ракурсе дается детализированная характеристика пословиц: *Потя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Впознати потя по пірю; Потяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати; Йаке гніздо, такі й потита; Каждое потя любить крихотя; Крихотята дай потятам; Серенча ги потя, де хоче, там и сяде; Єдно потя ліс не насвище; Як потя їмають, та го гладкають*. Некоторые из них имеют узко региональный характер, в то время как ареал других выходит за пределы общеславянского пространства.

Приведенные данные доказывают праславянский статус русинской лексемы *потя* (**рѣтѣ*) и позволяют отнести его к древнему языковому и культурному наследию русинов. Сопоставительный и этимологический анализ этого слова убедительно показывает его исконность в родном языке и вместе с тем – его уникальность и праславянскую древность. Оно сохранило не только праславянскую форму и семантику, но и постепенно обогатилось фразеологическими и паремиологическими связями. Пословицы и поговорки, смысловым ядром которых стало русинское слово, отражают многослойные межъязыковые связи с другими славянскими и общеевропейскими ареалами, не потеряв при этом своей образной и региональной неповторимости.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПОЛЕ ВАРИАНТНОСТИ

Островская Н. В.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Данное исследование посвящено выявлению специфических особенностей видовременной системы церковнославянского и греческого языков с точки зрения аспектологической семантики глагольных форм прошедшего времени, а также функционирования глагольных префиксов в определенных контекстах. Цель исследования заключается в описании характера взаимодействия видового и временного значений в семантике глаголов церковнославянского и греческого языков и определении функциональной значимости глагольных префиксов при выражении аспектуальных значений в системе данных языков. Вариантность как следствие изменения контекста употребления глагольной формы, которое в случае устного употребления может пониматься как следствие изменения коммуникативной ситуации. Вариантная форма существует в рамках коммуникативного поля вариантности, под которым понимаются возможности использования вариантной языковой единицы в определенной языковой ситуации и влияние на характер ее использования различных лингвистических, функциональных, контекстуальных и экстралингвистических характеристик вариантой формы. Вариантность как языковое явление, свойственное любой языковой системе, маркирует развитие системных явлений в языке. На примере контекстуальных употреблений глагольных форм прошедшего времени с префиксами *у-* и *за-*, *с-*, *по-* исследуется изменение значений и функций данных префиксов в морфологической структуре глагольной формы. Под внутренней дублетностью понимается совмещение в одной грамматической форме двух маркеров, выражающих одно грамматическое значение.

Материалом исследования послужили контекстуальные употребления форм аориста и имперфекта, имеющих место в текстах книги Бытия и Деяний Святых Апостолов в составе Петровско-Елизаветинской и Острожской Библии. В тексте Книги Бытия исследовано 887 контекстуальных употреблений. К каждой славянской форме приведено ее соответствие в греческом тексте. В тексте Деяний Святых Апостолов исследовано 496 контекстуальных употреблений. В процессе работы составлены сводные таблицы глагольных форм прошедшего времени, представленные в исследуемых текстах, и определены те формы, где категория вида представлена дублирующими друг друга морфологическими маркерами, а также формы с вариантными префиксами, встречающиеся в обоих текстах.

Исследование опирается на следующий тезис: по традиции сравнительно-исторического исследования славянских языков выделяется несколько этапов, связанных с разными подходами лингвистов к аспектуальности, выражению категориальных признаков вида, установлению характера взаимодействия видового и временного значений в глагольной семантике, дифференциации грамматического и лексико-словообразовательного компонентов в содержании видовых форм, установлению функциональной значимости языковых средств разных языковых уровней при выражении аспектуальных значений. Данная работа проводится в рамках функционально-исторического подхода к исследованию славянского вида, основывается на принципе исторического изменения функций языковых единиц морфологического уровня.

Хотя основной задачей функциональной аспектологической теории является изучение аспектологических категорий разных языков во всех их проявлениях, основное внимание уделяется формированию и функционированию видовых корреляций как грамматических абстракций в отличие от корреляций, основанных на временных или пространственных отношениях.

В ходе исследования был сделан следующий вывод: видовременную систему церковнославянского языка, в отличие от греческого, характеризуют явления внутренней

дублетности видовых маркеров внутри самой формы (глагольный префикс и форма прошедшего времени) и вариантности глагольных префиксов, существующей между текстами. В рамках работы выделены следующие актуальные направления исследования: 1) особенности значений и функций глагольных префиксов в церковнославянском языке; 2) место церковнославянских префиксов в видовременной системе церковнославянского языка в целом; 3) явления исторической вариантности в системе церковнославянских глагольных префиксов, являющейся причиной явления дублетности и вариантности глагольной формы. Вариантность и внутренняя дублетность как явления, характеризующие периферию глагольной системы церковнославянского языка, не противостоят его ядру – системе временных глагольных форм, а показывают ее изменение под давлением устной стихии древнерусского языка.

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА ЛОКАТИВНЫХ ФОРМ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УСЛОВИЯХ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ¹

Палий В. Е.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе обсуждается проблема влияния родного языка на обработку грамматических категорий изучаемого языка на примере русско-тюркского языкового контактирования. Обращение к данной проблеме определяется слабой изученностью проблемы ментального лексикона билингва: характера взаимосвязей лексического и грамматического значения, словоформы одной лексемы в ментальном лексиконе билингвов (Bertram R., Huõnã J., Laine), а также необходимостью исследования данной проблемы на примере языковых пар разных грамматических систем. Славянский русский язык отличается от тюркских как способом маркирования падежных значений, так и системой частных падежных значений, что обуславливает появление интерференции в речи билингвов. В докладе делается предположение, что интерференция падежных систем родных языков (Резанова З.И., Дыбо А.В.) проявит различия когнитивной обработки падежных форм носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами.

Целью исследования является определение влияния родного тюркского языка на когнитивную обработку грамматической категории падежа имен существительных тюркско-русскими билингвами.

Был использован метод окулографического эксперимента. Дизайн представляет собой комбинацию трех независимых переменных: тип ошибки (правильное предложение, типичная ошибка, нетипичная ошибка); позиция целевого слова (прямой объект, локатив, подлежащее в пассивной конструкции); родной язык (русский, тюркский).

В эксперименте участвовали 40 носителей русского и 11 тюрко-русских билингвов, собрано 8396 измерений фиксации на целевых словах.

Отмечен основной эффект двуязычия ($p=0,00$). В проведенном исследовании интерферентные явления наиболее сильно проявляются в локативных конструкциях, поэтому данные результаты находятся в фокусе доклада.

В группе носителей русского языка как родного корректные предложения обрабатываются значимо быстрее ошибочных ($p=0.002$), однако не выявлено статистической разницы между типами ошибок. В группе тюркско-русских билингвов также выявлена статистическая разница между типами предложений ($p=0.017$). Предложения с предположительно нетипичной ошибкой потребовали наибольшей когнитивной обработки. Статистически значимой разницы между обработкой двух типичных случаев отклонения от речевого стандарта не было выявлено ($p=0.5$), однако проявляется паттерн к более быстрой обработке предложений, в которых предлог не опускается, а целевое слово употребляется в именительном падеже.

На основании анализа собранных данных можно сделать вывод, что при обработке падежных форм существительных, как и при производстве, проявляется интерферентное влияние грамматической структуры. Полученные данные согласуются с ранее описанными в корпусных исследованиях данными о падежной интерференции в сфере тюрко-русского взаимодействия.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

**ОТРОДУ НЕ ВИДАНО, СРОДУ НЕ СЛЫХАНО, А НА РОДУ НАПИСАНО.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ПОДВИЖНОСТИ УДАРЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Пекунова И. С.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Для славянской акцентологии характерна возможность использования двух принципиально различных языков лингвистического описания: языка акцентных парадигм и языка маркировок. Основные единицы при описании на языке акцентных парадигм – акцентуированные словоформы. Всякой словоформе сопоставляется акцентный контур, отмечающий место ударения с точностью до морфологического компонента. Соответствующий набор акцентных контуров с указанием их размещения по парадигме составляет схему ударения группы лексем того или иного грамматического класса. В конкретной грамматике некоторые схемы ударения могут быть отождествлены как представляющие более крупные классы – акцентные парадигмы.

При описании на языке маркировок основные единицы лингвистического анализа – морфемы с приписанными им акцентными маркировками из определенного инвентаря маркировок. Устанавливается контурное правило, предписывающее расстановку ударения в цепочке маркированных морфем. Таким образом, при этом способе описания для конкретной словоформы ее место в парадигме, формально говоря, не существенно.

Одним из различий указанных способов описания, присущих им «по построению», оказывается различие в трактовке неодночленных тактовых групп, то есть групп, включающих помимо самостоятельных словоформ также клитики – акцентно несамостоятельные слова, в тексте примыкающие к соседним формам. На языке маркировок никакого специального различия между одночленными и неодночленными тактовыми группами нет: и те, и другие представляют собой цепочки морфем с маркировками, обрабатываемые контурным правилом. Однако в языке акцентных парадигм требуются отдельные средства описания неодночленных тактовых групп, поскольку акцентные правила присоединения клитик к различным словоформам парадигмы могут быть различны.

Для описания праславянской акцентной системы могут быть использованы оба языка описания, и пересчет между ними достаточно прост. При описании позднейших систем, как правило, оказывается более целесообразным, по крайней мере, в части словоизменения, использование языка акцентных парадигм как более прямолинейного, поскольку попытки обеспечить описание в терминах маркировок зачастую приводят к некомпактным инвентарям маркировок, а также усложнению и расщеплению контурных правил. Однако в этом случае акцентовка неодночленных тактовых групп фактически исключается из рассмотрения, соответствующие данные могут быть представлены в словарях при конкретных лексемах в качестве маргинальных, однако никакого регулярного описания их не дается. Так, для современного русского языка акцентовки типа *zá руку, nó морю, ná слово* приводятся в словарях как персональные особенности конкретных лексем, причем факультативные.

В ходе исследования акцентных систем XIII–XV вв. были выявлены особенности акцентовки неодночленных тактовых групп, ранее не привлекавшие внимания. В результате удалось изучить явления «новых энклиноменов» и «антиэнклиноменов» и обнаружить отражение этих явлений в современных русском и сербском языках. При этом небезынтересно, что описание соответствующих современных феноменов не всегда может быть сведено к словарной периферии; в частности, здесь возникают вопросы представления современной русской падежной системы.

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ **ХМУРА* В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ И ВОСТОЧНОСЛОВАЦКОМ ДИАЛЕКТЕ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Погвизд Ш.

Институт славистики Польской академии наук, г. Краков (Польша)

Тема, затронутая в докладе, связана с замеченной уже давно проблемой польско-восточнословацких (далее вост.-слов.) языковых сходств. Языковеды неоднократно обращали внимание на присутствие в вост.-слов. диалекте явлений, свойственных лехитской подгруппе западнославянских языков, что отличает эту часть словацких говоров от остальных диалектов словацкого языка (западнословацкого и среднесловацкого). Многочисленные параллели находим в фонетике, словообразовании и лексике.

В настоящем докладе рассмотрен пример польско-восточнословацкой семантико-лексической параллели. Одним из примером совпадений, отличающим эту территорию от западнословацкого и среднесловацкого диалектов, является восточнословацкое слово *chmura* / *chmúra* 'туча' и польское *chmura* 'то же'.

В докладе рассматриваются вопросы этимологии этой лексемы и ее семантического развития от **хмурь* / **смурь* 'темный, мрачный', внимание обращается также на разнообразие форм корня и дифференциацию в вокализме и консонантизме: например, праслав. **хмара*, **хмура*, кашуб. *smura* / *smura* 'туман', русск. *пасмурный*, *смурый*, русск. *нашмурить*, чешск. *pošmurný* 'пасмурный'.

Континенты слова **хмура* фиксируются лишь в западнославянских и восточнославянских языках. Хотя лексема является наследием праславянского языка, география и хронология его появления указывают на то, что имя существительное **хмура* 'туча', которое возникло путем субстантивации, появилось после распада праславянской общины.

В докладе анализируется география слова *chmura* в польском и словацком языках. В польском языке слово имеет характер гиперонима, определяющего всякие виды туч. Однако в таком значении лексема появляется лишь с XVI века. В старопольском слово обозначает исключительно явления, такие как 'мрак, туман, множество'. В словацких говорах распространение слова *chmura* / *chmúra* 'туча' ограничивается северной частью восточнословацких говоров, находящихся под сильным влиянием польского языка. Эти данные сопоставляются с материалом других славянских языков, рассматриваются примеры из других языков: укр. диал. *хму́ра* 'туча', ст.-брус. *хмура* 'туча', западно-русс. диал. *хму́ра* 'темная дождевая туча'.

МОДУСНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТОВ В ДИАЛОГЕ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ ТЮРКСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ (RuTuBiC)¹

Погодаева Е.Н.

Томский государственный университет, г. Томск

Проблема языкового контактирования не теряет актуальности, так как в настоящее время миграционные процессы во всём мире усиливаются, создавая условия для всё более интенсивного взаимодействия языков. Другой аспект актуализации в современной лингвистике этой проблематики связан с развитием новых методов и технологий, к которым относятся и технологии корпусной лингвистики.

Лингвистический корпус представляет собой большой объём размеченных тестовых данных на одном или нескольких естественных языках. На данном этапе развития технологий сбора, обработки и хранения данных наибольшей ценностью обладают корпуса текстов, интегрирующие результаты лингвистического аннотирования и метаразметки, позволяющих в дальнейшем осуществлять различные виды анализа, в том числе применять методы автоматического анализа корпусных данных. Вследствие этого от качества разметки зависит возможность извлечения данных по заданным пользователем корпуса параметрам.

В докладе представлено одно из направлений метаразметки корпуса устной русской речи тюркско-русских билингвов (RuTuBiC) – тематической разметки. Обсуждаются проблемы тематической разметки, обусловленные спецификой языкового материала и способов его сбора: это записи устной спонтанной диалогической речи – интервью и бесед на свободные темы. Спонтанный характер устной коммуникации диалогической речи обуславливает высокий уровень частоты тематических переключений, записи формализованных и полуформализованных интервью – значительный уровень их воспроизводимости.

В докладе характеризуются основные результаты этапа ручной разметки текстовых материалов корпуса и результаты извлечения ключевых слов на основе применения методов TF IDF с учетом только существительных. В результате ручной разметки были выделены как тематические категории «отражательного» характера (семья, этническая культура, природа и др.), так и темы с яркой модусной и оценочной направленностью (мнения, самохарактеристика). Выделение тем с модусной направленностью обусловлено значительным количеством выражаемых оценочных суждений по темам, на что нацеливают респондентов корпуса разделы анкет, общая направленность беседы. Однако результаты автоматической разметки показали невычленяемость тем с модусной направленностью на основе частотности имен существительных.

В докладе обсуждается коррекция методики первого этапа автоматической разметки при вычленении модусной интерпретации фактов респондентом в качестве отдельной тематической категории. В качестве решения предлагается модификация выборок маркеров тематических категорий: расширение круга частеречных выборок, отдельных семантических групп и частных грамматических классов.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

КАТЕГОРИИ РОДА И ЧИСЛА В РЕЧИ ТЮРКСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ: ИНТЕРФЕРЕНТНОЕ ВЛИЯНИЕ ИЛИ ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ?¹

Резанова З. И., Рябова Ю. В.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе представлены результаты исследования конкретных вариантов интерферентных проявлений в сфере славяно-тюркского языкового взаимодействия: отклонения от норм выражения рода и числа в русской речи тюркско-русских билингвов, соотношение которых в грамматических системах вступающих во взаимодействие языков принципиально различно.

Славянские и тюркские языки относятся к типологически разным языкам (флективные синтетические VS агглютинативные), различаются набором грамматических категорий, типами межкатегориального взаимодействия, различной конфигурацией частных грамматических значений и способами их формального маркирования в составе одноименных категорий. Языки славянской и тюркской групп находятся в отношениях интенсивного контактирования, следствием чего является множественность вариантов интерферентных явлений в речи двуязычных говорящих.

В рамках исследования была проанализирована речь 22 респондентов в возрасте от 23 до 81 года, имеющих образование от начального до высшего (30 часов минут звучания, около 140 000 словоупотреблений).

В результате проведенного исследования было показано влияние различий грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в русскоязычной речи: 1) ошибки в использовании грамматического рода преобладают во всех синтаксических позициях, что обусловлено отсутствием в материнских тюркских языках категории рода; 2) различия в устройстве грамматических категорий числа взаимодействующих языков проявились в преобладании ошибок в использовании форм числа вещественных и собирательных существительных; 3) вариантность частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашла отражение в том, что немаркированный член оппозиций мужской род оказался доминирующим во всех синтаксических позициях за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых; интерферентные явления вступают во взаимодействие с активными тенденциями в развитии русского языка, а также закономерностями развертывания устной речи.

Результаты данного исследования согласуются с полученными ранее выводами о влиянии грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в сфере грамматики при использовании второго языка, а также с результатами психолингвистических экспериментальных исследований когнитивной обработки форм грамматического рода существительных русского языка тюркско-русскими билингвами, которые свидетельствуют в пользу обработки грамматической категории как семантической.

¹Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ЭПОХИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА И ИХ ДЕРИВАТЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, СЛОВАЦКОГО, ЧЕШСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Саболова Д., Кашова М.

Прешовский университет, г. Прешов (Словакия)

Пандемия коронавирусной инфекции, объявленная Всемирной организацией здравоохранения в марте 2020 г., повлияла на жизнь людей практически на всей планете и нашла свое отражение и в языке в виде многочисленных новаций. Одними из ключевых слов последних месяцев стали слова *корона* и *ковид*.

Предметом данного исследования являются новообразования, появившиеся в рассматриваемых языках в период с марта 2020 г. Внимание обращается на лексические единицы, основанные на базе упоминаемых выше ключевых слов. Основным методом исследования является метод сопоставления и анализа отдельных единиц, образованных или заимствованных в данный период. В качестве материала исследования послужили онлайн-источники, главным образом СМИ, в случае с русским языком – и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», изданный ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге в 2021 г.¹

Результаты анализа показывают, что, наряду с названиями, вошедшими в употребление во всех исследуемых языках, например, *коронавирусная инфекция COVID-19* (*koronavírusová infekcia COVID-19*, *koronavirová infekce COVID-19*, *Coronainfektion COVID-19*), или *коронаистерия* (*koronahystéria*, *koronahysterie*, *Corona-Hysterie*), существуют и значительные расхождения в номинациях. Речь идет, во-первых, о функционировании некоторых наименований в одном или двух языках и их отсутствии в других; во-вторых, о выражении того или иного понятия другими средствами, к примеру, словосочетанием, описывающим данное явление.

Следует отметить и наличие дублетных форм для обозначения одного понятия в отдельных языках, например, *Corona-Fete* и *Corona-Party* – в немецком языке; заимствованное *корона-пати* и *ковид-пати*, а также *ковид-вечеринка* и *корона-вечеринка* – в русском, а в словацком и чешском фиксируется *koronapárty* или же *koronavečierky / koronavečírky*.

С точки зрения словообразования, наблюдается превалирование лексических единиц, образованных путем сложения в русском и немецком языках, в словацком и чешском языках эквивалентом многих из таких наименований являются словосочетания. Русский язык отличается и довольно объемным слоем дериватов, мотивированных ключевыми словами. Особенностью русского языка является наличие довольно большого количества глагольных форм, что обусловлено особенностями русской ментальности и русского языкового сознания в частности. Так, в разговорном стиле употребляется глагол *ковидеть*, обладающий двумя значениями, ‘болеть ковидом’ и ‘лечить больных ковидом’. Фиксируется и омонимичная форма глагола, возникшая на базе контаминации единиц *болеть* и *видеть* в значении ‘видеть’ (шутливое обозначение). Производные глаголы встречаются и в немецком языке, например, глагол *coronifizieren* отмечен с двумя значениями ‘адаптироваться к условиям во время пандемии (хотя и неблагоприятным)’, а также ‘заразиться или заразить кого-нибудь вирусом’.

Обращают на себя внимание единицы, сходные по форме, но отличающиеся по значению, например, слово *коронарка* в русском языке употребляется как разговорное обозначение коронавирусной инфекции, а в словацком и чешском языках данная единица является разговорным наименованием для отдела больницы, в котором лечатся болезни сердечно-сосудистой системы.

Учитывая своеобразие языкового сознания говорящих, полагаем, следует обратить внимание на важность знакомства иноязычной аудитории с этим фрагментом языковой картины мира во избежание коммуникативных неудач и неточностей при переводе отдельных единиц.

¹ <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf>

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ О.-СЛАВ. *BL'USTI

Садыкова И. В.

Томский государственный университет, г. Томск

Цель настоящего доклада – представить глагол *bl'usti с точки зрения его генетических связей на разных уровнях.

Материалом для исследования послужили данные этимологических словарей славянских языков, исторических словарей, толковых словарей русского языка, двуязычных словарей.

Родственные отношения о.-слав. *bl'usti рассмотрены в трех направлениях.

Во-первых, на праславянском уровне. Указанный глагол этимологически связан с двумя другими глаголами *buditi и *bъdēti, при этом между ними установлена четкая семантическая дифференциация: для о.-слав. *bl'usti можно реконструировать значение «беречь, охранять; наблюдать, следить» (активное действие субъекта, направленное на объект), каузативное значение закрепляется за глаголом *buditi «заставлять проснуться», и в качестве глагола, обозначающего состояние («бодрствовать, быть бдительным»), используется глагол *bъdēti.

Во-вторых, на уровне рефлексов названных выше праславянских глаголов в современных славянских языках. Продолжения указанных глаголов в разной степени представлены в языках современных славян. Так, *buditi имеет рефлексы во всех южно-, западно- и восточнославянских языках, причем наблюдается семантическое единообразие: лексическое значение славянских глаголов формулируется как «будить, прерывать сон, пробуждать». И только в украинском языке формируется особое значение «бороновать перед посевом вспаханную плугом землю», связанное с основным метафорическим переносом.

Глаголы, являющиеся продолжением о.-слав. *bъdēti, также фиксируются в большинстве современных славянских языков, в большей степени в южнославянских, среди восточнославянских языков – в русском и русинском языках, из западнославянских языков рефлексy имеют в чешском и словацком языках. В некоторых языках (словацкий, русский, русинский), кроме семантики состояния (то есть «находиться в состоянии бодрствования, проводить время без сна»), сохраняется, по-видимому, более древнее значение, называющее активное действие субъекта, связанное с намеренным наблюдением за объектом, с заботой об объекте (ср. словц. *bdiet'* «следить, быть бдительным», рус. стар. *бдеть* «заботиться о ком-, чем-либо, наблюдать», русин. *бдеть* «караулить»).

Рефлексy же о.-слав. *bl'usti представлены только в старославянском, сербохорватском, русском, русинском и украинском языках, причем в названных южнославянских языках и в украинском языке – это старые формы, а русский глагол *блюсти* относится в современном языке к книжной или к диалектной лексике. При этом семантическое развитие в современных языках рефлексy о.-слав. *bl'usti шло в направлении сокращения семантического объема и формирования, например, в русском языке перцептивной семантики (ср. рус. *наблюдать*).

В-третьих, на уровне индоевропейских соответствий. Общеславянский глагол *bl'usti восходит к индоевропейскому корню *bheudh-, который представлен еще двумя ступенями корня: *bhoudh- (< о.-слав. *buditi) и *bhudh- (< о.-слав. *bъdēti), в связи с этим славянские глаголы имеют ряд соответствий в других индоевропейских языках, при этом семантически они далеко не всегда идентичны и имеют ряд интересных семантических дериваций (ср. например, греч. *πεύθομαι* «узнавать, спрашивать», нем. *bieten* «предлагать, предоставлять» и под.).

Таким образом, рассмотрев генетические связи о.-слав. *bl'usti на общеславянском уровне, а также в проспективном и ретроспективном направлении, можно установить более точно его первичное значение в общеславянском языке и последовательность семантических изменений, произошедших в рефлексy данного глагола в современных славянских языках.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНИКА РКИ, БАЗИРУЮЩЕГОСЯ НА ПРАКТИКЕ ОНЛАЙН-ПЕРЕПИСКИ

Сологуб О. П.

Национальный Тайваньский университет, г. Тайбэй (Тайвань)

Развитие коммуникационных технологий позволяет осуществлять новые эффективные учебно-речевые практики в преподавании РКИ. Одним из таких опытов явилось вовлечение студентов-иностранцев в онлайн-переписку с носителями языка. Осмысление данного опыта позволило создать инновационную лингводидактическую программу и сформировать на ее основе концепцию учебника, представление которой и является целью доклада.

Стержневым моментом концепции, определившим композиционную структуру учебника, состав и характер учебного материала, методы и приемы, способствующие эффективной реализации процессов самообучения, явилось изменение среды обучения, повлекшее за собой изменение «расстановки сил» в учебной коммуникативной ситуации. Новый формат обучения – это не обычное занятие под руководством преподавателя, моделирующего коммуникативные ситуации, а естественная, реальная коммуникация, осуществляемая студентом самостоятельно. Новая обучающая среда – среда естественной письменной речи – способствует 1) **комплексному, целостному** формированию у студентов важнейших навыков речевой деятельности, 2) освоению **актуального** учебного материала, решению **реальных** проблем коммуникации, 3) активизации синергетических образовательных процессов.

Логика организации учебного материала выработана с позиций натурального подхода (С. Крашен), основным пафосом которого является ориентация на естественные механизмы овладения языком.

Отправной точкой в определении логики явилась идея Н. Хомского о выражении глубинного смысла в поверхностных синтаксических структурах. Эта идея была переосмыслена в соответствии с логикой естественного усвоения языка (С. Крашен, М. Льюис) и дополнена положениями теорий лексико-семантического поля и логико-семантической пропозиции. В итоге определена следующая последовательность подачи материала: глубинный смысл → актуальный лексический материал → синтаксическая модель (пропозиция).

Другой концептуальной составляющей, значимой для формирования логических принципов организации учебного материала, явилась теория деривации Л.Н. Мурзина, согласно которой языковые умения и навыки формируются последовательно – от простейших языковых единиц к более сложным, от копирования к все возрастающей лингвокреативной деятельности, осуществляемой по линиям расширения и усложнения (Н.Д. Голев).

Наложение естественного характера обучающей среды на естественные механизмы овладения языком позволило наполнить образовательный процесс качественно новым, современным содержанием, что способствует дальнейшему утверждению коммуникативных принципов преподавания иностранных языков.

ВАРИАТИВНОСТЬ В СОГЛАСОВАНИИ ПО РОДУ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ТУНГУССКИХ ЯЗЫКОВ: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Стойнова Н. М.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва
Институт языкознания РАН, г. Москва

Доклад посвящен согласованию по роду в устной русской речи носителей южно-тунгусских языков – нанайского и ульчского (Хабаровский край). Оба языка не передаются детям, все носители старшего поколения². Все они свободно владеют и активно пользуются русским языком, близким к литературному стандарту, однако в речи самых пожилых носителей есть черты, связанные с копированием тунгусского образца и / или нестандартным усвоением русской системы³. В частности, встречается нестандартное согласование по категории рода, которая в нанайском и ульчском языках отсутствует.

Пилотное исследование вариативности в согласовании на материале текстов от четырех носителей с наиболее нестандартной русской речью дает следующие результаты.

1) Есть зависимость от семантики контролера согласования: согласование с существительным не-лицом (1а) ожидаемо чаще оказывается нестандартным, чем согласование с существительным лицом (1б), для которого род семантически нагружен – ассоциирован с полом референта.

- а. Такой *маленький* \ эта деревня была
- б. Девочка *маленький* пошла за водой/

2) Есть зависимость от частеречного класса мишени согласования: нестандартное согласование в прилагательном (2а) частотнее, чем в глаголе (2б).

- а. Папа тоже *старая* \
- б. папа тоже *рыбачила* \

3) Существительные м.р. наименее подвержены изменению согласовательного образца (3а), существительные ж.р. – в большей степени (3б), существительные ср.р. обнаруживают нестандартное согласование чаще всего (3в).

- а. Ни *одна* продукт не пропадет \
- б. В *одном* / тарелке – каша \ *рисовый*
- в. ... *самый дорогой* \ лекарство

4) Заметной корреляции с морфологическими характеристиками существительного – контролера согласования обнаружить не удастся. Можно было бы ожидать, что «морфологически прозрачные» существительные, для которых род отчетливо коррелирует с типом склонения (типа *плита, окно, отец*), будут менее склонны к нестандартному согласованию, чем «морфологически непрозрачные» (типа *папа, дверь, сито*). Такой эффект описан для детской речи⁴ и для эритажного русского языка⁵.

В докладе перечисленные параметры рассмотрены на более обширном материале и с учетом их возможного взаимодействия. В выборку вошло 7 889 примеров с глаголами и прилагательными из Корпуса русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ №. 17-18-01649.

² Герасимова А.Н. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки Коренных народов Сибири. 2002. 12. С. 246–257; Калинина Е. Ю., Оскольская С. А. Нанайский язык // Михальченко В. Ю. (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 293–296; Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю. Ульчский язык // Михальченко В. Ю. (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.

³ Stoyanova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // Slavica Helsingiensia. 2019. 52. P. 9–36.

⁴ Rodina Yu., and M. Westergaard. A cue-based approach to the acquisition of grammatical gender in Russian // Journal of Child Language. 2012. 39(5). P. 1077–1106.

⁵ Polinsky M. 2008. Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization // Heritage Language Journal. 2008. 6(1). P. 40–71.

Востока¹, из них около 10% с нестандартным согласованием (826 примеров). Добавлены социолингвистические параметры: год рождения и уровень образования рассказчика, а также мера общей «грамматической нестандартности» его русской речи, вычисленная на основании корпусной разметки контактных явлений². Показаны результаты многофакторного статистического анализа выборки методом логистической регрессии.

¹ <http://web-corpora.net/ruscontact/>

² Khomchenkova I., Pleshak P., and N. Stoyanova. The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian Far East // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. Moscow: RSUH, 2019. P. 276–287.

РУСИНСКАЯ ТЕМАТИКА В РАБОТАХ П.Д. ДРАГАНОВА

Суляк С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Тараклийский государственный университет, г. Тараклия (Молдова)

Петр Данилович Драганов (1 (13).02.1857 – 7.02.1928), уроженец Бессарабии, российский филолог, историк, этнограф, библиограф, педагог. Родился в семье болгарских колонистов в с. Комрат Бессарабской области. Закончил Болгарское центральное училище в Комрате (1875), затем учился в Кишинёвских прогимназии, губернской гимназии (1875–1877) и Харьковской гимназии (1877–1880). После окончания гимназии поступил на историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета (1880–1882), затем продолжил учебу в Императорском Санкт-Петербургском университете, закончив его в 1885 г. со степенью кандидата.

В 1885–1887 гг. преподавал всеобщую историю и церковнославянский язык в Солунской Кирилло-Мефодиевской мужской гимназии (Салоники, Македония). В 1888 г. назначен учителем русского языка и словесности Комратского реального училища. С 1893 г. преподавал русский язык в Кишинёвской женской гимназии. В 1896 стал младшим помощником библиотекаря Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, заведовал разрядом славянских и галицийско-русских книг Рукописного отделения библиотеки. Из-за тяжёлого материального положения вынужден был уволиться из библиотеки и вернуться преподавать русский язык в Комратском реальном училище. В 1906–1912 гг. П.Д. Драганов работал инспектором реального училища в Астрахани, директором учительской семинарии в с. Ровное Самарской губернии. В 1913 году возвратился в Бессарабию и был назначен директором мужской гимназии в г. Кагул. После оккупации Бессарабии Румынией румынские власти издали указ о сохранении гимназии и предложили П.Д. Драганову остаться её директором. Он предпочёл вернуться в родной Комрат, где до выхода на пенсию в 1926 г. преподавал болгарский язык в Комратской реальной школе.

П.Д. Драганов является автором более 100 историко-литературных, этнографических, филологических, библиографических и критических работ. Его статьи публиковались в «Журнале Министерства народного просвещения», «Историческом вестнике», «Известиях Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности», «Русском филологическом вестнике» и др. изданиях. Часть его работ так и осталась неизданной. Большинство исследований П.Д. Драганова посвящены бессарабской и балканской тематике. Много работ он посвятил А.С. Пушкину.

Пётр Драганов был основоположником македонистики в России. Важное место среди его работ занимает «Македонско-славянский сборник»¹. Она вызвала многочисленные отзывы, в том числе и критические.

Другая его известная работа – «Пятидесятиязычный Пушкин, т.е. переводы А.С. Пушкина на 50 языков и наречий мира. Библиографический венок на памятник А.С. Пушкину, сплетённый к столетию его рождения, 26 мая 1799 г. – 26 мая 1899 г.»².

Он участвовал в составлении болгаро-русского словаря, опубликовал первый универсальный указатель «Bessarabiana», где перечислил источники и литературу, вышедшую за 100 лет со времени присоединения Бессарабии к России. Среди многочисленных работ П.Д. Драганова есть и исследования, затрагивающие русинскую тематику.

¹ Драганов П.Н. Македонско-славянский сборник с приложением словаря : Вып.1 / Сост. П. Драганов. М.: Тип. Е. Евдокимова, 1894. 238 с.

² Драганов П.Д. Пятидесятиязычный Пушкин, т. е. переводы А.С. Пушкина на 50 языков и наречий мира : Библиографический венок на памятник А.С. Пушкину, сплетенный к столетию его рождения, 26 мая 1799 г. – 26 мая 1899 г. : С портретом поэта / Сост. П.Д. Драганов. СПб. : тип. А.С. Суворина, 1899. 55 с.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ СЕМАНТИКУ СЛУЧАЙНОСТИ, В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Ташлыкова М. Б.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Стародворская Е. В.

Университет им. Адама Мицкевича, г. Познань (Польша)

Важной составляющей представлений носителей языка об устройстве окружающей действительности является наивная типология процессов / действий и объектов (в самом широком смысле) на основании их соотношения с категорией времени и того места, которое они занимают на шкалах континуального – дискретного, гомогенного – гетерогенного, массового – счетного и т.п. Цель доклада состоит в описании русских и польских существительных, относящихся к концептуальной области случайного, то есть связанных с семантикой точки на оси времени – события, которое начало существовать или существует в определенные временные промежутки, – и идеей неконтролируемости, независимости этого события от воли человека.

Исследование выполнено в русле лексической типологии и сосредоточено на выявлении лингвоспецифичных путей «распределения... семантического материала»¹ между словами двух конкретных близкородственных языков. Актуальность работы состоит в частности в получении новых сведений об устройстве «концептуальной конфигурации»² семантического поля случайного в русском и польском языках.

В качестве материала исследования выступают русские и польские существительные, воплощающие семантику случайности; причем если в русском языке за реализацию этой семантики отвечают в первую очередь слова, связанные друг с другом не только семантически, но и генетически (единицы *случай* и *случайность* являются звеньями «словообразовательного круга» *случиться* → *случай* → *случайный* → *случайность*), то в польском языке концептуальная область случайного представлена более широким кругом лексем, не находящихся в отношениях производности (*przypadek*, *wypadek*, *okazja*, *traf*).

Несомненно, что семантика русских существительных в существенной мере опирается на значения производящего глагола (*случиться* / *случаться*), однако в процессе адаптации процессуальной семантики к новой, предметной упаковке мы имеем дело с семантическими сдвигами, позволяющими перечисленным единицам занять собою все пространство, связанное с акцентом на отдельном событии и несоответствием последнего привычному, предопределенному, необходимому порядку вещей.

В польском языке собственно процессуальная семантика выражается глаголами *stać się* и *zdarzyć się* в ситуациях чистой событийности и в случаях, когда речь идет о нежелательном положении вещей, а также единицами *dostać*, если речь идет о нежелательных физиологических состояниях, и *dojść*. Ни один из перечисленных глаголов формально не связан с основными субстантивами, обслуживающими концептуальную область случайного, – единицами *wypadek* и *przypadek*, которые в некоторых ситуациях взаимозаменяемы, но чаще распределены по специфическим контекстам.

Доклад, таким образом, предполагает описание семантических отношений между единицами, относящимися к концептуальной области случайного, внутри каждого из языков и выявление основных различий между русским и польским языками, обнаруживаемых в «поверхностной» реализации названной семантики.

¹ Задизняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 417.

² Там же. С. 12.

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ ПЕРЕД ЛИЦОМ CHALLENGES:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЛОВ *ВЫЗОВ* И
WYZWANIE (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Ташлыкова М. Б.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Стародворская Е. В.

Университет им. Адама Мицкевича, г. Познань (Польша)

0. В центре внимания находится семантическая история группы слов близкородственных языков (рус. *вызвать, вызов*, пол. *wyzwać, wyzwanie, wezwać, wezwanie*), связанных друг с другом генетически, но по-разному распределивших между собой реализуемые значения, а также особенности воплощения этими единицами смысла, который часто описывается как результат семантического калькирования одного из значений английского слова *challenge*.

1. Поиск польских соответствий русского глагола *вызвать* и его синтаксического деривата *вызов*, обладающего, как представляется, необходимыми функционально-семантическими ресурсами для выработки нового значения **внутри** русской языковой системы, приводит к единицам *wyzwać* и *wezwać* и так называемому герундию¹ *wyzwanie*.

2. Русский глагол традиционно реализует несколько значений, из которых в докладе исследуются три.

2.1. Толкование базового значения (лексема *вызвать I*) можно схематически представить следующим образом: (а) У отсутствовал в определенном месте в определенное время; (б) X сделал так, чтобы; (в) У находился в определенном месте в определенное время.

2.2. Семантическое развитие глагола *вызвать* осуществляется благодаря появлению нового смыслового компонента (г) при сохранении первых трех: (г) и совершил действие Р или подвергся действию Р.

2.3. В рамках конструкции *вызвать на Р* формируется очередной семантический сдвиг, репрезентируемый выражениями типа *X вызвал У-а на бой, соревнование, матч-реванш*. Несколько огрубляя, схему толкования этого значения можно представить в следующем виде: (а) X намерен сделать Р; (б) X хочет, чтобы У сделал Р; (в) X говорит У, что он должен сделать Р; (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы У участвовал в Р вместе с ним.

2.4. Последнее значение подготавливает своеобразную семантическую базу для относительно нового типа употребления существительного *вызов*, которое все сильнее отрывается от описания исходной ситуации межличностного взаимодействия и приобретает способность использоваться для характеристики такого положения дел, которое порождается действием других сил.

3. Блоки смыслов, реализуемые русским глаголом *вызвать*, распределяются между двумя польскими глаголами – *wezwać* и *wyzwać* – следующим образом. Глагол *wezwać* реализует значения 2.1 и 2.2, ср. словарную формулировку: ‘*zawiadomić kogoś, polecić komuś, by przybył, by się stawiał gdzieś, przed kimś; przywołać, przyzwać*’ – и ряд других, связанных с ними. Третье значение, связанное с идеями соперничества и преодоления себя (‘*zmusić kogoś do wzięcia udziału w walce, grze, pojedynku itp.*’), реализуется польским глаголом *wyzwać*.

4. Основным соответствием русской лексемы *вызов* является польское *wyzwanie*, которое, как представляется, чувствует себя в этой семантической роли так же, а может быть, даже более естественно, чем русское слово (о чем, в частности, свидетельствует более свободная сочетаемость польской лексемы).

¹ Łaziński M. Wykłady o aspekcie polskiego czasownika. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2020. С. 199.

ПОНЯТИЕ «ДЕРЗКИЙ» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

Толстик С. А.

Томский государственный университет, г. Томск

В русинском языке понятие «дерзкий» выражают прилагательные *дерзкий* и *косорый*. Доминантой синонимического ряда является лексема *дерзкий*.

Лексика с корнем *дерз-* в современной исторической лингвистике анализировалась в связи с репрезентацией концепта «смелость» в эволюции русской и других языковых картинах мира (И.Е. Тищенко), связь значений смелости и скорости слова *дерзкий* рассматривались в работах Ж.Ж. Варбот, Е.О. Борисовой, но не на материале русинского языка. Связи прилагательного *косорый* анализировалось О.Н. Трубачевым, при этом не в русинском языке и не в указанном значении.

С целью выявить особенности формирования понятия «дерзкий» в русинском языке рассмотрим структуру понятия в истории языка. Русинское *дерзкий* отражает структуру анализируемого понятия как сложного, состоящего из трех признаков: ‘наглый’, ‘смелый’ и ‘энергичный’: *Дерска д’итина*. Эти признаки связаны между собой, в их основе лежит идея активного поведения человека. Однокорневые образования развивают первые два значения: *дерзость* ‘смелость’ – *Дерзость майме ко Богу, чом што будеме просити, приймеме уд него* и ‘наглость’ – *Язык запаскудити сякыми нигда нечуваными потворами, ее недопустима дерзость, дерзун/-ка* ‘наглец, нахал’.

Поскольку русинский язык формировался в окружении таких славянских языков, как украинский, польский, словацкий, следует посмотреть структуру понятия «дерзкий» в них. В украинском языке представлены два признака ‘смелый’, ‘наглый’, в словацком – ‘наглый’ и ‘энергичный’, а в польском – ‘смелый’ и ‘энергичный’. В украинском языке и диалектах польского есть и другие признаки – ‘упругий, жесткий’ (о предметах) и ‘крепкий’ (о телосложении человека). То есть полного совпадения с русинским нет ни в одном из этих языков.

Для уточнения формирования структуры понятия этот материал рассмотрен в языке-основе для русинского – в древнерусском языке, где чаще отмечается семантика смелости, реже наглости. Признак ‘энергичный’ более позднего происхождения, например, в русском языке он отмечается уже в старорусский период, с другой стороны, возникает позже в русинском, польском и словацком, возможно, как совместное осмысление.

Русинское прилагательное *дерзкий* усвоено из базовой лексики праславянского языка, т.е. имеет этимологические связи со значением смелости и наглости в различных славянских языках, а также глубже – в индоевропейских языках (др.-гр., др.-инд., авест., лит., лтш. и др.). По всей видимости, изначально признаки ‘смелый и наглый’ были синкретично представлены в праславянский период, позже произошло их расщепление.

Слово *косорый* представлено в русинском языке только в одном значении ‘наглый, нахальный’. Но понятие «дерзкий» прослеживается в производных наречии и глаголе, которые продолжают семантику не только наглости, но и смелости: *косоро* ‘дерзко, с бравадой’ и *косорити ся* ‘дерзить’, ‘хорохориться; бахвалиться’, ‘грозиться’: *Щи-сь не видів чоловіка, а уже си косориш на него*.

Прилагательное *косорый* помимо русинского наблюдается только в украинском языке: *косора вівця* ‘овца с рогами, похожими на косы’, а также диал. субстантивированное *косора, косаря, косориста* ‘то же’ и глагол с исследуемым значением *косоритися* ‘сердиться’, ‘дерзить’.

Производящей основой для *косорый* было **kosorъ*, которое в большинстве славянских языков представлено как обозначение орудий труда (коса, топорик), что в свою очередь производно от **kosa*. Новым признаком для формирования понятия «дерзкий» в данном случае послужил признак ‘острый (умом)’ (о человеке) < ‘острый’ (о предмете).

Итак, с возникновением в русинском языке лексемы *косорый* понятие «дерзкий» стало включать не только признаки смелости, наглости, энергичности человека, но и остроты ума. Таким образом, данное выражение понятия дерзости является уже собственно русинским или это совместное русинско-украинское осмысление.

О ЯВЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОЛИПРЕФИКСАЦИИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Филь Ю. В.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе рассматриваются результаты изучения глагольной полипрефиксации на материале единиц старославянского языка.

Исследователи не раз обращались к этому неоднозначно трактуемому языковому явлению, которое, с одной стороны, отражает общие тенденции префиксации в славянских языках, а с другой стороны, демонстрирует возможности соединения в рамках одной композиты значений глагольной основы и двух префиксов для обозначения действия. Полипрефиксация имеет ряд языковых причин, основной из которых является семантическое обогащение глагола, формирование на базе исходной единицы ряда новых дополнительных смыслов (при этом грамматическая функция у вторичных префиксов обычно отсутствует, т.к. значение совершенного вида вносит первичная приставка).

Обращение к анализу полипрефиксальных глаголов в старославянском языке мотивировано связями старославянского языка с древнегреческим языком, имевшим аналогичные образования, а также с другими славянскими языками, в которых полипрефиксация представлена как в ранние периоды их развития, так и на современном этапе; общим славянским инвентарем глагольных префиксов и их значениями (для старославянского языка уже была характерна высокоразвитая система глагольной префиксации с разнообразными аспектуальными значениями). Однако не менее интересными представляются черты старославянской полипрефиксации, отражающие тенденции старославянских текстов, в которых значимыми были вопросы духовной жизни человека, его веры и других жизненных ценностей.

Материалом для анализа послужили Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) под редакцией Р.М. Цейтлин и др. и Словарь старославянского языка Чешской академии наук, в которых зафиксировано около 40 композит, неоднородных в формальном и семантическом отношении.

Анализ показал, что в качестве вторичных в старославянском языке выступали префиксы **възь-** (*въсприимати*), **за-** (*заповѣдати*), **изь-** (*исповѣдати*), **о-** (*опослоушати*), **по-** (*повѣпрашати*), **про-** (*проразумѣвати*), **прѣ-** (*прѣвъсходити*), **прѣдѣ-** (*прѣдѣпоказати*), **разь-** (*распрострѣти*), **сь-** (*сьвъздвигнѣти*). Наиболее продуктивными были префиксальные модели с приставками **сь-**, **прѣ-**, **прѣдѣ-** и **възь-** (это значительно отличается от инвентаря вторичных приставок в древнерусском, современном русском языке, а также в других славянских языках).

Тематический охват старославянских многоприставочных глаголов не отличается широтой: это глаголы ментальной и речевой деятельности, эмоционального состояния, реже физической деятельности (в современных славянских языках в сфере полипрефиксации преобладают глаголы движения и физической деятельности).

Анализ значений, вносимых вторичными приставками в старославянском языке, показал, что это значения превосходности (*прѣодолѣти*), интенсивности (*повѣпрашати*), перспективности (*прѣдѣпоказати*), совместности (*сьпогрести*), начинательности (*възненавидѣти*) и завершенности (*запослушати*, *проразумѣти*). Особенностью старославянской полипрефиксации является использование в качестве вторичных приставок с пространственной семантикой, например, *прѣдѣпоставити* (подать (о еде), поставить вперед, впереди), при этом для славянских языков в целом не характерны пространственные значения в сфере вторичной префиксации, в данном случае можно предположить влияние на старославянский язык древнегреческих моделей многоприставочных глаголов.

СЕМАНТИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ РУСИНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Халина Н. В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Русинская идентичность обсуждалась в научных исследованиях историков, лингвистов, социологов с акцентом на локализации русинов как этноса в историческом и лингвокультурном пространстве. Наблюдение за коммуникативной динамикой русинского нарратива предполагает возможность рассмотрения существующих дескрипций локально-территориальных сообществ, в частности, сообщества, американских русинов с позиций коммуникативной теории идентичности (СТИ – Communication Theory of Identity). Согласно СТИ, национально-культурная специфика предписывается или выполняется через взаимодействие участников этнического сообщества, в том числе, через дискурсивные практики описания русинской лингвокультурной общности.

Одной из практик дискурсивного описания русинов является семантико-терминологическая идентификация американских русинов в англоязычных исследованиях, которое можно рассматривать в контексте СТИ в качестве измерения объема перформанса идентичности американских русинов.

Особенности семантико-терминологической идентификации американских русинов рассматривались на материале исследований Поля Роберта Магочи (1989), Томаса Петера (1996), Александры Бэнк (2020).

Дискурсивная дескрипция американских русинов П.Р. Магочи включает в себя следующие единицы: а) *a national minority, attain autonomy or self-rule, degree of political autonomy, simply considered a branch of Ukrainians* (обще-этнически идентификационные единицы); б) *Carpatho-Russian, Lemko, Ruthenian, Byzantine or Slavish, Hunkies* (идентифицирующие этно-коммуникативную группу номинации); в) *New York City and northeastern New Jersey; southern Connecticut; the Binghamton-Endicott-Johnson City triangle in south central New York; Cleveland and Youngstown, Ohio; Gary and Whiting, Indiana; Detroit and Flint, Michigan; and Minneapolis, Minnesota* (идентификаторы места проживания в США).

Т. Петер идентифицирует американских русинов через два типа лингвистических дескрипций – дескрипцию идентичности и дескрипцию лингвистической самоидентификации: а) *non-existent sense of ethnic identity; Slavic ancestry; Carpatho-Rusyns; Eastern rite Catholic priests; Orthodoxy; ethnic identity*; б) *Rusyn; Rusnak; Ruthene; Ruthenian; Carpatho-Russian; Carpatho-Ruthenian; Carpatho-Ukrainian; Lemko*.

В исследовании А. Бэнк лингвистические дескрипции характеризуют американских русинов, прежде всего, с двух позиций: а) национально-дискретной – существование нации в имагологическом множестве в отсутствии единого государства (*East Slavic stateless nation Stateless nations, Carpatho-Rusyns, Rusnaks, Carpatho-Russians, Ruthenians, Rusyns*); американо-локально-идентификационной (*Pittsburgh, Pennsylvania and eastern Ohio, New York, New Jersey, Connecticut (Carpatho-Rusyn Society)*).

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

Хабибуллина Е.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Одним из приоритетных направлений работы вузов является продвижение российского образования за рубежом. Привлечение иностранных учащихся становится признаком конкурентоспособности образовательной организации, рейтинги университетов учитывают в том числе и количество обучающихся иностранных граждан. Соответственно, в аудитории становится все больше студентов-инофонов, а перед преподавателем, работающим в этих условиях, ставятся новые задачи.

В первую очередь, это связано с необходимостью пересмотра традиционных подходов к преподаванию специальных дисциплин. Работая в русскоязычной аудитории, преподаватель, как правило, заботится о содержательной и структурной составляющих занятия, но не задумывается о необходимости строгого отбора средств выражения, поскольку коммуницирует с носителями языка. Работая со студентами-инофонами, он оказывается в довольно сложной ситуации, которая обусловлена тем, что на сегодняшний день для поступления в российские высшие и средние специальные учебные заведения иностранному гражданину необходимо освоить русский язык в объеме первого сертификационного уровня, однако, как показывает практика, владение русским языком в таком объеме недостаточно для успешного освоения учебной программы.

Достаточно остро стоит вопрос о соответствии языковой компетенции учащихся осваиваемому материалу в преподавании лингвистических дисциплин исторического цикла – историческая грамматика и старославянский язык. В частности, преподаватель, ведущий занятия по старославянскому языку, должен учитывать, что у иностранной аудитории чаще всего отсутствует необходимый набор культурных пресуппозиций, нередко нет возможности опереться на параллели с русским языковым материалом. Соответственно, не работают те методы и приемы, которые возможны в русскоязычной аудитории. В связи с этим основными принципами построения курса «Старославянский язык» нужно считать включение культурного комментирования, строгий отбор языкового материала для практических заданий и упражнений. В рамках курса необходимо сформировать у обучающихся четкое представление о фонетических преобразованиях праславянского языка, связанных с ними исторических чередованиях, о специфике фонетической системы старославянского языка (в сравнении с системой современного русского языка). Это позволит заложить необходимую базу для преподавания курса «История русского языка» («Историческая грамматика»). Изучение грамматической системы старославянского языка осуществляется в меньшем объеме, более подробно рассматриваются именная система склонения, система наклонений и времен глагола. Заучивание именных и глагольных парадигм для данной аудитории представляется нецелесообразным. Отбор иллюстративного материала и материала для упражнений следует вести так, чтобы на уроке у студента не возникало постоянной необходимости обращаться к словарю, для отрывков из старославянских памятников желательно давать перевод и комментарий.

НЕСТАНДАРТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ГРУПП В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СЕВЕРНО-САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ¹

Хомченкова И. А.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Институт языкознания РАН, г. Москва

Данная работа посвящена описанию нестандартного употребления и реализации предложных групп в русской речи носителей северно-самодийских языков, а именно нганасанского, лесного энецкого, тундрового энецкого и тундрового ненецкого. Поскольку самодийские языки – это языки с левым ветвлением, в которых используются послелого, а не предлоги, «нестандартности», связанные с предложными группами, ожидаемы в русской речи носителей этих языков.

Аналогичные феномены отмечались и для других разновидностей русской речи билингов. Например, опущение предлогов (типа *учиться школе*) упоминается для дагестанского русского², как и случаи нестандартных употреблений предложных групп³. Оба этих феномена распространены в эрзянском русском⁴, а также в русской речи учащихся-чувашей⁵. Нестандартная реализация предложных конструкций обсуждается на материале коми русского и татарского русского⁶.

В докладе описываются и классифицируются случаи нестандартного употребления и реализации предложных групп на материале Корпуса⁷ русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока⁸. Эти два феномена могут объясняться как влиянием самодийских моделей управления (МУ), так и контаминацией с русскими МУ или общей недоусвоенностью русского языка.

К нестандартному употреблению предложных групп относятся, во-первых, употребление предложной группы вместо именной (1), а во-вторых, употребление нестандартного предлога вместо ожидаемого (2). В (1) происходит калькирование самодийской МУ, а в (2) – контаминация с русским предлогом *между*, управляющим инструменталисом.

(1) **От** тебя я испугался (nsp, лесной энецкий)

(2) *Девушка сидит среди... папой и мамой.* (jsm, нганасанский)

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

² *Panova A., Philippova T.* When a cross-linguistic tendency marries incomplete acquisition: preposition drop in Russian spoken in Daghestan // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25, No. 3. P. 640-667.

³ *Daniel M., Dobrushina N., Kniazev S.* Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian* / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 65-93.

⁴ *Shagal K.* Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers // *Mordvin languages in the field* / Ed. by K. Shagal, H. Arjava. Helsinki: Helsinki University Press, 2016. P. 363-377. (*Uralica Helsingiensia*; Vol. 10).

⁵ *Бычков В.И.* Типичные ошибки учащихся-чувашей в употреблении предложных конструкций русского языка // *В мире научных открытий*. 2015. №2. С. 434-440.

⁶ *Боронникова Н.В.* Об интерференции в падежной системе (на материале русских спонтанных текстов татар и коми-пермяков) // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2014. № 2. С. 115-120.

⁷ Корпус доступен по ссылке <http://web-corpora.net/ws/gi3/ruscontact/search>

⁸ *Khomchenkova I., Pleshak P., Stoyanova N.* The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian far East // *Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. М.: RSUH. 2019. P. 253-264.

К нестандартной реализации предложных групп относятся: а) использование именной группы вместо предложной, которая может выступать в виде номинативной формы (3), либо другого падежа (4); б) нестандартное маркирование внутри предложной группы, а именно использование либо номинативной формы (5), либо другого падежа (6); 3. опущение предлогов (7). Калькирование самодийских МУ представлено в (4), контаминация с русскими МУ – в (6), ср. рус. *рядом с санями*. Примеры (3), (5) и (7) можно объяснить недоусвоенностью русского языка.

(3) *Звероферма работаю*. (tpr, ненецкий)

(4) *Вот коровьим молоком она выросла*. (nk, лесной энецкий)

(5) *Некоторые-то через река ушли оказывается*. (tkf, нганасанский/лесной энецкий)

(6) *Около санями тут волк стоит*. (tpr, ненецкий)

(7) *Я жила Яковлевке*. (za, тундровый энецкий)

Сущностно нестандартное употребление и реализация предложных групп связаны с более общей темой нестандартного выбора МУ. Однако описание всех случаев нестандартных МУ в речи носителей северно-самодийских языков выходит за рамки настоящей работы и может являться предметом дальнейших исследований.

ИДИШ-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ, ДЕМИНУТИВОВ И УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РАССКАЗЕ ДЕР НИСТЕРА «SHIKER» И В ЕГО УКРАИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ)

Шишигин К. А.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва

Лебедева Н. Б.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Цель исследования – с позиций положений о гибридном характере идиша и теории и практики достижения переводческой эквивалентности проанализировать идиш-славянские глагольно-морфологические, деминутивно-словообразовательные и фразеологические языковые параллели. Исследование проведено на материале рассказа Дер Нистера «Shiker» и его перевода на украинский язык (Дер Ністер «Сп'яніло», перевод Э. Райцина).

В ряду переведенных произведений Дер Нистера рассказ «Shiker» и его украинский перевод занимают показательное место: а) как первое произведение автора, переведенное на славянский язык, б) как первое его произведение, вышедшее в переводе вообще, и в) как первый перевод Дер Нистера, увидевший свет в СССР (Харьков, 1929 год).

Исследование показало, что исходный текст (ИТ) содержит значительное число славянских – существующих в литературном идише и вошедших в словари – формально-семантических копий, которые переданы в тексте перевода (ПТ) языковыми параллелями. Языковые параллели как один из результатов немецко-славянского языкового контакта обнаруживаются в ИТ и ПТ в глагольной морфологии, в сфере словообразования, семантики и узуса деминутивов и в сфере устойчивых словосочетаний, а также в семантике и словообразовании префиксальных глаголов.

Под **языковыми параллелями** понимаются семантически релевантные единицы любого уровня в двух – исходном (ИЯ) и переводящем (ПЯ) – языках: а) обладающие чертами структурного и семантического сходства и б) переводимые **простой подстановкой**, то есть путем перехода от средств ИЯ к системно-семантически тождественным средствам ПЯ. С точки зрения лингвистической, наличие языковых параллелей в идише и украинском языке обусловлено феноменом немецко-славянской гибридности идиша¹. Тем самым наличие в идише существенного числа системных семантических и / или формальных славянских копий позволяет достигать эквивалентности идиш-украинского перевода методом простой подстановки, например:

1) глагольные одноактные конструкции:

(ИТ ид.) *a kuk tun*
INDF глядеть.STEM (= взгляд) (с)делать
букв. «один взгляд сделать»

(ПТ укр.) *зирк-ну-ти*
гля-ну-ть

'глянуть'

2) деминутивы:

(ИТ ид.) *vent-l*
стена.STEM;UMLT-DEMIN
букв. «стен-ка»

(ПТ укр.) *стін-к-а*
стен-к-а

¹ Теория языковой гибридации и гибридности описана нами ранее, в частности в: Шишигин К. А. Гибридация языков: глагольно-префиксальная система идиша / науч. ред. Н. Б. Лебедева. Москва: Флинта, 2016. 208 с.

'стен-ка'

3) устойчивые словосочетания:

(ИТ ид.) *mit* *a gelehter oysshin*
с.DAT INDF смех.DAT выстрелить

(=посредством)

букв. «посредством одного смеха выстрелить»

(ПТ укр.) вибухати реготом
выбухати хохотом

'разразиться хохотом'.

О НОМИНАЦИЯХ МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОСТАВЕ СТИШНОГО ПРОЛОГА

Щеглова О. Г., Гончаренко Е. А

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Актуальность данного исследования определяется тем, что история русского языка и, в частности, история формирования его словарного состава еще далеко не написана. Лексический фонд русского языка складывался из различных источников: памятники церковнославянской письменности, деловая письменность, народно-разговорный язык. Стишной Пролог как памятник церковнославянской письменности в лексическом плане изучен еще явно недостаточно.

Ранее на основе лингвотекстологического метода была исследована лексическая вариативность в списках Стишного Пролога¹. Цель данного исследования – выявить в составе лексики Стишного Пролога номинации предметов материально-бытовой культуры, провести ее лексико-семантический анализ.

Источником материала послужила рукопись Стишного Пролога XV века № 715² из собрания Троице-Сергиевой Лавры Российской государственной библиотеки. Объектом исследования стали 156 лексем, представляющих группу материально-бытовой лексики.

В докладе рассматривается тематическая классификация предметно-бытовой лексики, анализируются лексико-семантические особенности и системные отношения единиц, входящих в данную группу, выявляются особенности употребления наименований материально-бытовой лексики в житийных и назидательных текстах Стишного Пролога.

В результате исследования выявлено 1235 употреблений наименований артефактов. Было отмечено, что частотность употребления анализируемых лексем варьируется в зависимости от жанра текста, представленного в Стишном Прологе. До 60% всех наименований артефактов встречается в памятниках святым, отрывках из житий святых. В назидательных сочинениях, представляющих часто поучения, сочинения отцов Церкви преобладает отвлеченная лексика, наименования конкретных предметов встречаются гораздо реже.

В результате тематической классификации анализируемой лексики выявлено, что самой многочисленной является группа, называющая орудия пыток. Данный факт объясняется тем, что большая часть памятников в Стишном Прологе посвящена мученикам, претерпевшим страдания и смерть за веру. В житиях практически всегда повествуется о том, каким образом страдал и подвергся смерти тот или иной мученик.

Анализ системных парадигматических отношений внутри рассматриваемой группы выявил наличие синонимических и родовидовых отношений. Синонимические отношения представлены 22 синонимическими рядами, среди которых есть и многочленные. Родовидовые отношения представлены среди наименований орудий пыток, пищи, напитков, одежды.

Анализ наименований артефактов в составе рукописи Трц-715 позволяет делать некоторые выводы о словарном фонде церковнославянского языка XV века. Исследование данной группы лексики по нескольким спискам Стишного Пролога может стать перспективой данной работы.

¹ Лексическое варьирование в русских списках Стишного Пролога (на материале оригинальных майских чтений) // Русский язык: Исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 20-23 марта 2010 г. Труды и материалы. С.853.

² Трц-715 – Стишной Пролог, март-май, 1429 г., русский, 366 л., 1^о: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715. Стишной Пролог, рукопись № 715 / Библиотека Троице-Сергиевой лавры [Электронный ресурс] URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=715> (Дата обращения: 16.07.2021).

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

Глотов Александр Леонидович, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков и методики их преподавания Кременецкой областной гуманитарно-педагогической академии им. Т. Шевченко, г. Кременец (Украина)

Гончаренко Елизавета Александровна, специалист по учебно-методической работе Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)

Гринев-Гриневиц Сергей Викторович, д.ф.н., профессор кафедры англистики и межкультурных коммуникаций Московского городского педагогического университета, г. Москва (Россия)

Долгушина Людмила Васильевна, к.ф.н., доцент кафедры источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)

Дронова Любовь Петровна, д.ф.н., профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Дубина Людмила Витальевна, к.ф.н., доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета, г. Томск (Россия)

Дыбо Анна Владимировна, д.ф.н., член. корр. РАН, зав. отделом урало-алтайских исследований Института языкознания РАН, г. Москва, зав. лаб. Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Дымарский Михаил Яковлевич, д.ф.н., профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург (Россия)

Евпак Евгений Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Иркова Анна Валентиновна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Кашова Мартина Богумиловна, к.ф.н., доцент кафедры немецкого языка Прешовского университета, г. Прешов (Словакия)

Киклевич Александр, д.ф.н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Варминьско-Мазурского университета, г. Ольштын (Польша)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д.ф.н., зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск (Россия)

Колосова Елена Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань (Россия)

Конончук Инесса Яковлевна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Коршунова Ирина Сергеевна, лаборант Лаборатории лингвистической антропологии, магистрант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Курьянович Анна Владимировна, д.ф.н., зав. кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета, г. Томск (Россия)

Лебедева Наталья Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Маркова Елена Михайловна, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, г. Москва (Россия); профессор кафедры иностранных языков Католического университета, г. Ружомберок (Словакия)

Меркулова Инна Александровна, д.ф.н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж (Россия)

Мокиенко Валерий Михайлович, д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный руководитель Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина, г. Санкт-Петербург (Россия)

Наттит Айдысмаа Андреевна, заместитель декана по трудоустройству выпускников филологического факультета Тувинского государственного университета, г. Кызыл (Россия), аспирант Сибирского федерального университета, г. Красноярск (Россия)

Островская Наталья Вячеславовна, старший преподаватель кафедры Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)

Палий Валерия Евгеньевна, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии, магистрант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Пекунова Ирина Семеновна, младший научный сотрудник сектора лингвистической компаративистики Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Погвизд Шимон, аспирант Института славистики Польской академии наук, г. Варшава (Польша)

Погодаева Елена Николаевна, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии, г. Томск (Россия)

Резанова Зоя Ивановна, д.ф.н., зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, зам. зав. Лабораторией лингвистической антропологии, г. Томск (Россия)

Рогуцка Иоланта, д.ф.н., проректор по науке гуманитарно-экономического факультета Государственной высшей профессиональной школы им. проф. Эдварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Рябова Юлия Алексеевна, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Саболова Драгомира Яновна, к.ф.н., преподаватель кафедры русистики Прешовского университета, г. Прешов (Словакия)

Садыкова Ирина Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Сологуб Ольга Павловна, д.ф.н., доцент Национального Тайваньского университета, г. Тайбэй (Тайвань)

Сорокина Эльвира Анатольевна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета, г. Москва (Россия)

Стародворская Екатерина Вениаминовна, аспирант Университета имени Адама Мицкевича, г. Познань (Польша)

Стойнова Наталья Марковна, д.ф.н., старший научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва (Россия)

Суляк Сергей Георгиевич, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия), профессор Тараклийского государственного университета, г. Тараклия (Молдова)

Таилыкова Марина Борисовна, к.ф.н., директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Иркутского государственного университета, г. Иркутск (Россия)

Толстик Светлана Александровна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Филь Юлия Вадимовна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Хабибуллина Елена Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань (Россия)

Халина Наталья Васильевна, д.ф.н., профессор кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, г. Барнаул (Россия)

Хомченкова Ирина Андреевна, научный сотрудник отделения теоретической и прикладной лингвистики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Шишигин Кирилл Александрович, д.ф.н., профессор кафедры германских и романских языков Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Москва (Россия)

Щеглова Ольга Георгиевна, к.ф.н., зав. кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)